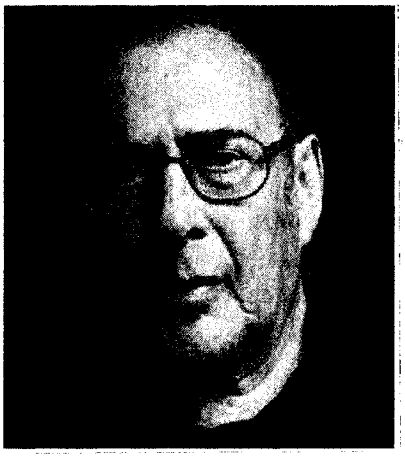
Гарольд Пинтер



Нобелевская премия 2005 года

Сценарий по Прусту

À la Recherche du Temps Perdu

Перевод с английского Е. Суриц

В сотрудничестве с Джозефом Лоузи и Барбарой Брэй

Джо и Барбаре

Вступление

В начале 1972 года Николь Стефане, которой принадлежали права на экранизацию À la Recherche de Temps Perdu[1], спросила Джозефа Лоузи, не хочет ли он написать соответствующий сценарий. Он предложил этим за-

© F Pinter Limited
© Е. Суриц. Перевод 2015

1. Пинтер оставляет французское название вот по каким причинам: первый перевод эпопеи на английский, выполненный шотландским писателем Ч. К. Монкрифом (и прославивший его больше оригинальных сочинений) вышел (тогда только в виде двух первых книг) за два месяца до смерти Пруста, в 1922 г., под названием Remembrance of Things Past (вторящим второй строке тридцатого сонета Шекспира, буквально означающей "воспоминанья о былом, о том, что было"). И хотя это название не передавало идеи романа и противоречило замыслу автора о самом названии, оно было повторено и следующим переводчиком Т. Килмартином в 1982-м. (Такова уж си-

няться мне. Мы к тому времени уже сделали вместе три фильма: "Слуга", "Несчастный случай" и "Посредник"[1].

Я читал тогда только "Du Côté de chez Swann", то есть первый том эпопеи, да и то давным-давно. Однако выразил живой интерес к идее, встретился с Джо и Николь Стефане и согласился за это дело взяться. Я предложил вдобавок, чтобы Барбара Брэй, редактор на радио Би-би-си и признанный знаток Пруста, стала в дальнейшем нашим консультантом. Джо встретился с Барбарой и обо всем с ней договорился.

Три месяца я читал "À la Recherche du Temps Perdu" изо дня в день. Я читал, я делал несчетные заметки и, тем не менее, дочитав все тома до конца, по-прежнему решительно не постигал, как приступиться к этакой глыбе. Одно я понял твердо — ни в коем случае нельзя строить фильм на одном-двух каких-нибудь наудачу выбранных томах, скажем, на "Пленнице" или "Содоме и Гоморре". Если затея вообще осуществима — нужно как бы перегнать, отцедить содержание всех томов, выделить главные линии и объединить, слить, сплести в нерасторжимое целое. С этим Джо и Барбара согласились. Мы решили, что фильм должен основываться на двух, можно сказать, контрастных началах: первое — это движение, главным образом выраженное в сюжете, к разрушению иллюзий и второе — скорей подспудно, исподволь, пунктирно намеченный подъем — к откровению, к тому открытию, что потерянное время найдено, обретено, навеки закреплено в искусстве.

Пруст сначала написал "Du Côté de chez Swann", первый том, потом "Le Temps Retrouvé", том последний. Затем он досочинил остальное. И связь между первым томом и последним нам показалась решающей. Все произведение как бы заключено, как бы содержится в последнем томе. Когда Марсель в "Le Temps Retrouvé" говорит, что теперь он готов начать свое произведение — он его уже написал. Мы его только что прочитали. Вот этот-то дивный замысел и нужно было так или иначе перевоссоздасть в новой форме. Мы понимали, что соперничать с Прустом не сможем. Но сможем ли мы остаться ему верны?

ла инерции, одна только и объясняющая живучесть неудачных названий, пущенных однажды в оборот.) Однако Д. Дж Энрайт в 1992-м решился на название "In Search of Lost Time", то есть абсолютно точное, хоть и буквальное. И если бы этот перевод был в распоряжении Пинтера, ему, я думаю, не пришлось бы оставлять французское название, и я бы перевела его на русский – "В поисках потеряного времени", именно потерянного, ведь "temps perdu" – словосочетание, с одной стороны, такое же обычное, как и "lost time", как потеряное время, и есть в нем, с другой стороны, такой же печальный призвук времени убитого, которое автор и стремится воскресить. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

1. "Слуга" – сценарий по одноименному роману Роберта Моэма (1916–1981); "Несчастный случай" – по роману Николаса Мосли (р. 1923); "Посредник" – по одноименному роману Лесли Поулса Хартли (1895–1972).

Здесь не место вдаваться в подробности о том, как и почему мы, одно за другим, принимали и отменяли решения, как после многих колебаний жертвовали тем или иным персонажем, не впуская его в сценарий. Все это были частности, определяемые общей, предварительно согласованной мыслью. Наконец, мы выработали план, и я с головой ушел в писание сценария на его основе. Тема была — Время. В "Le Temps Retrouvé" Марсель, которому уже за сорок, слышит колокольчик своего детства. И давно забытое детство вдруг воскресает в нем, и ощущение себя ребенком, воспоминание об этом давнем опыте оказывается куда сильнее, явственней, острей, чем был сам опыт. Месяцами я писал и неизменно обсуждал написанное с коллегами.

Летом 1972-го мы несколько раз ездили во Францию; в Ильер, в Кабург, в Париж, погружаясь в атмосферу Пруста. В ноябре сценарий был готов. Он был длинный и явно слишком дорогой. Я сократил его на двадцать четыре страницы, отчего, по-моему, он только выиграл, и в начале 1973 года окончательная версия была готова и пересмотру не подлежала. Это та версия, которую вам предстоит прочесть.

Год работы над "À la Recherche du Temps Perdu" был счастливейшим рабочим годом в моей жизни.

А потом мы, все трое, пытались найти деньги на съемки фильма. До сей поры он не снят[1].

1. Желтый экран. Звякает колокольчик садовой калитки.
2. Пустое тихое поле, просадь вязов в вагонном окне. Поезд стоит. Ни звука. Быстрый наплыв.
3. На миг мелькает желтый экран.
4. Снизу в окно бьет сверкание моря, на переднем плане висит на крюке полотенце. Ни звука. Быстрый наплыв.
5. На миг мелькает желтый экран.
6. Венеция. Окно палаццо, видное из гондолы. Ни звука. Быстрый наплыв.
7. На миг мелькает желтый экран.
8. Ресторан отеля в Бальбеке[2]. Ни звука. Пусто.

1. Не снят он и до сей поры. Но в 1997 г. по этому сценарию был поставлен радиоспектакль на Би-би-си. А в 2000 г. Пинтер вместе с актрисой ди Тревис его переделал в пьесу, и пьеса была поставлена.
2. Бальбек — название модного курорта, выдуманное Прустом.

9. Экстерьер. Париж. Улица. Дом принца Германтского. 1921. Вечереет.
Немолодой господин (Марсель) долго-долго идет к дому принца Германтского. Его сутулость, походка — все свидетельствует о крушении надежд.
Кареты, много карет, среди них мелькают автомобили, толпятся шоферы.
Уличный грохот и гам.

10. Интерьер. Библиотека в доме принца Германтского. 1921.
Официант нечаянно задевает ложкой о тарелку, ложка звякает.
Марсель — укрупненный передним планом — вскидывает взгляд.
11. Интерьер. Гостиная в доме принца Германтского. 1921.
Отворяется дверь.
Камера входит в гостиную вместе с Марселем. Тот медлит на пороге.
Лица, лица, сотни лиц, иные к нему оборачиваются — уродски размалеванные, уродски старые лица.
Гул голосов.
12. Море за окном. Ни звука.
13. Ложка звякает о тарелку.
14. Марсель идет, идет по гостиной. Голоса. Лица. Парики, размалеванность — при дряблой дряхлости тех, кто с трудом сидит и еле стоит на ногах, натужный хохот и жесты — все создает впечатление нелепого, зловещего маскарада.
15. В библиотеке Марсель утирает рот крахмальной салфеткой, салфетка хрустит. Рядом стоит бокал.
16. Венеция. Окно палаццо. Ни звука.
17. В гостиной, сбившись тесной кучкой, беседуют дряхлые старухи.
18. Водопроводные трубы в гостиной.
В трубах надрывно стонет вода.
19. Пустое поле в вагонном окне. Ни звука.

20. Экстерьер. Улица. Дом принца Германтского. 1921.

Машина резко сворачивает, чтоб не задеть Марселя.
Он пятится, оступается на неровных плитах.
Шофер на него орет.
21. Ресторан отеля в Бальбеке. Ни звука.
22. Желтый экран.
Камера отступает, отступает, пока не обнаруживается, что желтый экран на самом деле — небольшой отрезок желтой стены на картине.
Картина Вермеера "Вид Дельфта".
23. Марсель (ему 37 лет) сидит в своей комнате в санатории, недвижный, как сова.

24. Интерьер. Гостиная в доме принца Германтского. 1921.
Звука нет.
Старики болтают беззвучно.

Марсель стоит от них в стороне.
Но вот — вдруг — слышится легкое звяканье садового колокольчика и делается исподволь все настойчивей, все неотступней.
(В следующих кадрах темп нарастает, и слышится сплошь, только изредка прерываясь, звяканье садового колокольчика.)
25. Марсель, двадцатилетний, в номере бальбекской гостиницы, склоняется над своими ботинками, пораженный печалью.
26. На закате, за летящим вагонным окном — три церковные колокольни. И кажется, будто они танцуют втроем в прощальном свете заката.
27. Три вяза, в полдень, за летящим вагонным окном. Вагон от них убегает прочь, но они не отстают, несутся за поездом, будто пустились за ним в погоню.
28. Марсель склоняется над своими ботинками.
29. Те вязы.
30. Те колокольни.
31. Мелькает желтый экран. Музыка Вентейля[1].
32. Промельк садовой калитки в Комбре[2]. Совсем смутный.
33. Те колокольни.
34. Садовая калитка, все тихо.
Беззвучно подрагивает колокольчик.
(Примечание: все предшествующие сцены в гостиной принца Германтского должны быть черно-белыми — притом что весь фильм цветной.)

35. Интерьер. Комната Марселя. Дом в Комбре. 1888. Вечер.
Марсель, восьмилетний мальчик, сидит на постели, в ночной рубашечке. Он что-то старательно пишет. Вот написал, сует свой листок в конверт.

36. Экстерьер. Сад за домом в Комбре. В тот же вечер, но несколько раньше.
Марсель, его Отец (42 года), Мать (33 года), Бабушка (56 лет) сидят за столом с доктором Перспье (50 лет).

Д-р Перспье. Ну, мне, пожалуй, пора. Надо еще к месье Вентейлю заскочить. Здоровье у него оставляет желать лучшего, у бедняги.

Отец. М-м-м-м.

Д-р Перспье. Опять эта дочкина подруга к ним, по-видимому, вселилась.

Отец (*угрюмо*). Вот как?

Д-р Перспье. Да. Она же учительница музыки.

Отец. Но месье Вентейль и сам учитель музыки.

Д-р Перспье. Дочка, однако, предпочитает учиться у подруги. По-видимому. (*Подается вперед, понижает голос.*) По-

1. Композитор Вентейль — вымышленный персонаж.
2. Название деревеньки, куда в детстве каждое лето возят Марселя, — тоже вымышленное.

говаривают, конечно, что она ее учит совсем даже и не музыке, что месье Вентейль слепой, не иначе...

Отец (*кашляет, бросает взгляд на Марселя*). Но как ни пройдешь мимо дома, всегда там на фортепиано так и бренчат, так и бренчат. Музыкальная шкатулка, буквально. На мой взгляд, даже чересчур много музыки. В гроб они месье Вентейля вгоняют.

Пауза.

Бабушка. Марсель, по-моему, устал.

Отец. Да-да, иди-ка ты спать, пора. Мы уж давно с тобой попрощались. Сван опаздывает, кажется? Мы когда ужинаем?

Д-р Перспье. Обаятельнейший человек, мсье Сван. Вчера меня к жене вызывали. Легкая мигрень, ничего существенного.

Пауза.

Отец (*резко, Марселю*). Ну-ну, иди же, пора. Сколько раз тебе повторять? Сейчас же марш в постель.

Марсель встает, подходит к Матери, наклоняется, чтобы ее поцеловать.

Отец. Нет-нет, оставь маму в покое. Вы уже попрощались на ночь. И достаточно. Что за телячьи нежности. Ступай к себе.

37. Дом в Комбре. Дверь черного хода. В глубине — сад.
Марсель, входя в эту дверь, слышит.

Д-р Перспье. Мсье Сван явится к ужину в одиночестве, как я понимаю?

Отец. В одиночестве. Да.

38. Интерьер. Дом в Комбре.
Марсель медленно бредет вверх по лестнице. Открывается кухонная дверь, на него, снизу, глядит Франсуаза (40 лет).

Франсуаза. Оно и правильно. Спать. А пришелся вам по вкусу мой торт шоколадный?

Марсель не отвечает. Франсуаза хмыкает и затворяет дверь.

39. Экстерьер. Садовая калитка.
Звякает колокольчик, дважды.
Входит Сван. Ему сорок лет.
Бабушка идет навстречу ему по траве.
Отец стоит в глубине сада.

Бабушка. Добрый вечер, мсье Сван.

40. Интерьер. Комната Марселя.
Франсуаза стоит с конвертом в руке. Марсель, с постели, впился в нее взглядом.

Франсуаза. Ну, как это, интересно, я мамашу вашу тревожить стану, когда она занятая, за ужином? М-м-м? Да еще мсье Сван за столом сидит. А он, говорят, в близкой дружбе с самим Президентом Республики, и вдобавок с префектом полиции, и с английским принцем Уэльским. Кучер его мне рассказывал, дескать, он с принцессами запросто ужинает. Или как уж их там величают. Я — что? Я почем купила, по том продаю.

Марсель не отрывает от нее глаз.

Да они еще и мороженое не откушали. Может, я вашей мамаше его с кофием подсуну. Ладно, там видно будет. (*Вертит в руке письмо, в него вглядывается.*) И не верится мне, что такое уж оно важное. Ну что в нем такого важного может быть?

41. Крупный план. Марсель смотрит на нее.

42. Экстерьер. Сад.
Стол. Письмо, не вскрытое, лежит у матери под кофейной чашкой.

Сван. И когда же вы снова в Париж?
Отец. Недели через две, надо думать.
Сван. Да, вот и мы скоро тронемся.
Мать. Так всегда грустно, когда кончается лето и приходится расставаться с Комбре.
Бабушка. Здесь для Марселя настолько полезней, чем в Париже, ему здесь намного лучше.
Сван. А что с ним такое?
Отец (*стучит себя в грудь*). Грудь. Тут, знаете, глаз да глаз нужен.

Сван замечает Марселя, тот смотрит вниз, таясь в своем окне. Их взгляды скрещиваются. Сван отворачивается, смотрит на родителей Марселя.

Сван. У меня есть одна книга, она, по-моему, понравится Марселю. Я завтра ее пришлю.
Бабушка. Очень любезно с вашей стороны.
Отец. Кстати, мы перед вашим приходом говорили про мсье Вентейля. Вы его знаете?

Сван. Ну, не то чтобы в полном смысле слова знаком, нет. Но часто думаю, между прочим, не родственник ли он композитору.

Отец. Композитору?

Мать. Ну, ты же знаешь сонату Вентейля?

Отец. Я?

Сван. Не знаете? Прелестная вещь. Я впервые ее услышал, когда... Ах, это было так давно.

Отец. А-а, соната Вентейля? Да-да, конечно-конечно. Дивная вещь.

Сван. Вот я и думаю, не родственник ли ему этот субъект. Надо бы выяснить.

Отец. Ну, едва ли.

Конверт так и лежит, не вскрытый.
43. Затворяется садовая калитка.
Подрагивает колокольчик.

44. Интерьер. Комната Марселя.
Марсель, из окна, смотрит вниз. Отец с Матерью остались одни за столом.

Мать. Что-то он, по-моему, неважно выглядит.

Отец. Еще бы, с такой женой. Угробить жизнь ради подобной женщины! Просто в голове не укладывается. Мог бы любую заполучить. Да что там — мог. И заполучал. Ты идешь спать?

Мать. Почему, интересно, ты не дал мне хотя бы о дочери его расспросить. Он так ею гордится.

Отец. Начала бы с расспросов о дочери, кончила бы расспросами о жене. А там — глядишь — она бы визиты стала тебе наносить. Но об этом не может быть и речи.

45. Интерьер. Дом в Комбре. Лестничная площадка. Ступени.
Марсель стоит в темноте.
Свет тонкой струйкой сочится из спальни родителей.
Блеск свечи, подрагивая, соскальзывает по лестнице вниз.
Мать доходит до площадки, видит Марселя.
Он бросается к ней, обнимает.

Мать. Господи, да что ты тут делаешь?

Он ее тянет к своей двери.
Она не дается.

Мать (*шепотом*). Нет-нет. Иди к себе. Тебе нужно, чтобы папа увидел, как ты себя ведешь?

Пламя свечи показалось в дальнем конце коридора.
Отец вышел из спальни.

Отец. Что тут у вас такое?

Мать. Он хочет, чтоб я его поцеловала на ночь у него в комнате. Все глупые выдумки.

Пауза.

Отец. Ну, так и пойди с ним.

Мать. О, но ведь мы — правда же? — не должны ему чересчур потакать.

Отец. Чепуха. Кому это надо, чтобы он совсем расклеился. Поспи у него в комнате, в виде исключения. (*Зевает.*) Ну ладно, а я — на боковую. Спокойной ночи.

46. Интерьер. Комната Марселя.
Марсель в постели, рыдает, сжимая руку МАТЕРИ.
Она сидит у него на постели.

Мать (*ласково*). Ну же, ну, перестань. Не то я сама сейчас разревусь. (*Гладит его по голове.*) Ну же, ну.

47. Глаза Матери.

48. Интерьер. Комната Марселя. Позже.
Мать спит на другой постели.
Марсель поворачивается у себя в постели, смотрит на Мать.

49. Крупный план. Марсель.

50. Интерьер. Оперный театр. Париж. Конец 1898.
Публика рассаживается по местам.
Марсель (19 лет) сидит в первом ряду партера. Отсюда многие поглядывают на ложи. В ложах темно. Когда отворяется дверь, ложу прорезает луч света. Вошедшие постоят-постоят в темноте и выходят на свет, дамы — драгоценные ожерелья, голые плечи — обмахиваются веерами.
Камера надолго задерживается на одной ложе; это ложа принцессы Германтской, женщины тридцати семи лет, редкой красоты. С ней принц Германтский, ему пятьдесят два года. Марсель смотрит во все глаза. Сзади шепчут: "Принц с принцессой".
Принцесса сидит перед зеркалом, на розовой козетке. В волосах у нее сеточка из кораллов и жемчугов, на шее ожерелье в тон, на голове убор а ля райская птица. Она потчует цукатами статного господина.
Дверь ложи отворяется. Входят Герцог (52) и Герцогиня (40) Германтские.
У Марселя напрягся взгляд. Голос: "А это кто?" Другой голос: "Герцогиня, кузина ее". — "А он?" — "Да герцог же, ну ты и балда". Герцог, сама величавость, — монокль в глазу, хризантема в петлице — простирает вперед руку и роняет на плечи тем, кто приподнимается при его появлении. Он отвешивает поклон принцессе. Принцесса тем временем здоровается с Герцогиней.

Герцогиня — веющий белый муслин, веер из лебяжьего пуха, простая эгретка в волосах. Герцогиня с принцессой, зорко оглядев друг дружку, смеются в знак одобрения.
Герцогиня смотрит вниз, в партер.
Марсель смотрит на нее, заклиная взглядом: "Ну взгляни, взгляни на меня". И вдруг — она его видит.
Поднимает руку в белой перчатке, машет.
Принцесса поворачивается, тоже смотрит вниз.
Герцогиня, глядя вниз, улыбается.

51. Крупный план. Взволнованное лицо Марселя.

Отец (*голос за кадром*). Сегодня мы идем в сторону Германтов.

52. Экстерьер. Берег реки Вивоны. Комбре. День. 1893.
Кувшинки на воде. Мальчишки, в реке по колено, ловят пескарей, черпают графинами сверкающие звонкие струи.
Марсель (13-ти лет) идет по берегу с Отцом, Матерью и Бабушкой, то и дело отставая.

Отец. Нет-нет, конечно, до самого замка мы не потащимся, зачем. В этакую даль.

Мать (ласково, Марселю). Но ты и так, наверно, в воскресенье сможешь увидеть Герцогиню. Она приедет в Комбре, на эту свадьбу.

Бабушка. Марселя, по-моему, не меньше всего прочего завораживает само имя. Ведь правда, Марсель?

Отец. Еще бы, имя кой-чего стоит. Старейшее, знатнейшее из семейств Франции.

Бабушка. Ну да, но я-то сам звук имела в виду. Он такой золотой. Герма-анты.

53. Интерьер. Комната Марселя. Ночь. 1888.
Марсель (8 лет) наедине с волшебным фонарем.
В луче фонаря проплывает по стенам и потолку Женевьева Брабантская[1] (из предков Германтов).

Марсель (*бормочет про себя*). Герма-анты.

54. Интерьер. Комбре. Церковь Святого Илария, изнутри. 1893.
Придел Жильбера Дурного.
Камера соскальзывает с витража вниз.

1. Женевьева Брабантская, дочь герцога Брабантского, — героиня средневековой легенды, повествующей о том, как супруг, Зигфрид, уйдя на войну, доверил ее дворецкому, как тот ее домогался, а затем оклеветал перед мужем, как Женевьеву приговорили к смерти, но палачи сжалились над ней, и о том, как она жила несколько лет в лесу, питаясь дикими кореньями и как все кончилось хорошо. Очень популярное детское чтение у французов.

Идет свадьба. Алтарь убран белым боярышником.

55. Интерьер. Церковь. Прихожане.
Герцогиня Германтская (35 лет) под взглядом Марселя.

56. Крупный план. Марсель.
Не отрывает от нее глаз.

57. Крупный план. Герцогиня.
Она чуть поворачивает голову. На губах у нее играет улыбка.

58. Замок Германтов (преображенный мечтой).
Камера медлит на озере перед замком.
Вдалеке, вдоль озера, тихо бредет Герцогиня, с ней рядом Марсель. Она его держит за руку.
Женский голос (но это не голос Герцогини) произносит за кадром.

Голос. Вы — поэт. Я-то знаю. Расскажите же мне о своих стихах. Расскажите мне о стихах, какие собираетесь написать.

59. Экстерьер. Комбре. Сад. День. 1893. Долгий кадр.
Сван (45) и Марсель (13) сидят парочкой в саду, на скамейке, сблизив головы.
Сван быстро процеживает страницы между пальцами, отыскивая нужное место.
Вот нашел и, улыбаясь, читает несколько фраз Марселю.
Марсель взбудоражен. Он тянет книгу у Свана из рук, сам вглядывается в страницу.
Звонит церковный колокол.
Поет птица.

60. Экстерьер. Комбре. Сад. На закате.
Марсель сидит в плетеном кресле, читает.
Он один в саду.
Звонит церковный колокол.
Вдруг из кухни выскакивает Франсуаза, гонится с кухонным ножом за курицей.
Марсель испуганно вскидывает взгляд.

Франсуаза (*бешено орет*). А ну сюда! Сюда! Кому сказано!

Франсуаза загоняет курицу на кухню.
Вопли "А ну сюда, кому сказано!" Квохтанье курицы пресекается разом.
Марсель стискивает руки.

61. Интерьер. Дом в Комбре. Ватерклозет.
Марсель, приникнув к окну, сверху оглядывает улицы Комбре, пустынные, сонные от зноя.
Тихая церковная колокольня.

Девушка, одна-одинешенька, пересекает улицу, потом пропадает из виду.
Куст цветущей смородины буйно кипит, золотясь на солнце, под самым окном.

62. Глаза Марселя.
За экраном слышится вздох Марселя.
Камера тихо соскальзывает с его лица, на каскады цветущей смородины и — дальше, на тихую деревенскую улицу.

63. Экстерьер. Перед домом мсье Вентейля. Монжувен. День.
На переднем плане Марсель с Бабушкой и родителями. Мсье Вентейль (60), завидя их, выходит из дому и чуть ли не бегом спешит им навстречу. В окне гостиной ясно видны мадемуазель Вентейль с Подругой, играющие в четыре руки.

Мсье Вентейль. Как я рад, как я рад вас видеть. Добрый вечер! (*Озираясь на это окно.*) Да, как видите, юные дамы занимаются упорно. У дочкиной подруги — недюжинное дарованье. Надеюсь, она и дочке послужит добрым примером, вдруг и привьет ей любовь к музыке. Сам-то я стар стал, куда уж преподавать, а дочкина подруга — такой молодец, такая прелесть, такой молодец.

Камера задерживается на мадмуазель Вентейль и ее Подруге, занятых игрой. В сторону окна обе не бросают ни единого взгляда.

64. Интерьер. Железнодорожный вагон. Дачный поезд из Ля Распельер. 1901. Ночь.
Марсель (21) и Альбертина (21).
Альбертина что-то говорит.

Альбертина. А эту дочку мсье Вентейля я знаю как облупленную, и подругу ее. Я их даже старшими сестрицами всегда называю.

65. Экстерьер. Перед домом Свана в Тансонвиле[1] 1893.
Тропинка вдоль парка Свана.
Живая изгородь — розовый и белый боярышник.
Марсель (13) входит в кадр. Останавливается, разглядывает боярышник.

Отец (*голос за кадром*). Сегодня мы идем в сторону Свана.

66. Дальше по этой тропинке.

1. Название вымышленное.

Мать с Отцом идут дальше. Марсель плетется за ними. Вдруг он останавливается.

67. Проход в живой изгороди.
Сквозь проход в живой изгороди, сквозь боярышник, он видит пруд. На берегу лежит удочка, прыгает по воде поплавок. Рядом с удочкой — соломенная шляпка.
Вдоль гравийной дорожки змеится насос, из всех его пор, по всей длине, бьют фонтаны, веерно орошая жасмин, анютины глазки, вербену, золотые шары.
Вдруг Марсель дергает головой. Черноглазая девочка, с полотенцем в руках, на него смотрит. Это Жильберта. Ей тринадцать лет.

68. Экстерьер. Парк в Тансонвиле. Долгий кадр.

Марсель как прирос к изгороди. Мать с Отцом бредут дальше, вверх по изволоку.

69. Живая изгородь.
Он оторопело смотрит на девочку.
Она на него смотрит с легкой улыбкой, со странной пристальностью.

70. Крупный план. Лицо Жильберты.
Смеются карие глаза.

71. Крупный план. Марсель.
На лице у него удивление, смятение даже.

72. Глаза Жильберты.

Одетта (*голос за кадром*). Жильберта, ну сколько можно тебя ждать? Что ты там копаешься?

73. Живая изгородь.
Показывается Одетта (мадам Сван), вся в белом. Ей тридцать шесть лет.
За ней следует барон де Шарлю, в белом полотняном костюме. Ему сорок шесть лет.
Жильберта к ним оборачивается. Они замечают Марселя, бегло его оглядывают, миг — и они уходят.

74. Дальше по той же тропе.
Мать с Отцом остановились, оглянулись.
Увидели, как Одетта, Шарлю и Жильберта скользят среди солнечных пятен.

Мать. А я-то думала, она в Париже.

Отец. Ну да, как же, это она Свана спровадила одного в Париж, чтоб побыть здесь одной с Шарлю. Это был барон де Шарлю, знаю я его.

Мать. А кто это?

Отец. Ее новейший любовник. Или старейший, кто их разберет. Меня эти подробности мало волнуют. Мерзость. И на глазах у ребенка.

Он зовет Марселя. Тот как не слышит: "Марсель! Идем!"

Мать. Сван, по-моему, теперь уже не так страдает. Нет, правда, ему, по-моему, уже все равно.

75. Крупный план. Белое платье Одетты мелькает среди листвы.

76. Крупный план. Одетта, четырнадцатью годами раньше.

77. Интерьер. В доме у Вердюренов. Париж. 1879.
Над лицом Одетты плывет голос Мадам Вердюрен.

Мадам Вердюрен (*голос за кадром*). Она у нас такая лапочка, ну, прямо само совершенство! Правда, милочка? Вы только сами на себя поглядите! Ах-ах, покраснела!

Одетта (*жеманясь*). Ой, ну что вы, мадам Вердюрен.

78. Два кадра: Сван (31) и мсье Вердюрен (39).
Сван смотрит на Одетту. Он от нее отводит взгляд, только когда начинает говорить мсье Вердюрен.

Мсье Вердюрен. Сейчас трубочкой подымлю. Не угодно ли подымить, мсье Сван? У нас тут, знаете ли, по-простецки, без церемоний.

Мадам Вердюрен (*голос за кадром*). У нас тут без церемоний, без снобства, мы тут не важничаем, не кривляемся, не пускаем пыль в глаза.

Сван, слегка сконфуженный, смотрит в сторону мадам Вердюрен.

Мадам Вердюрен (*голос за кадром*). Мы все тут, надеюсь, люди — как люди, а не набитые чучела. Вот в такой вы, стало быть, попали дом, мсье Сван. И мы рады-радешеньки вас у себя приветствовать.

Сван. Вы очень любезны.

Мсье Вердюрен. А-а! Дешамбр, кажется, собрался играть! Мы тут, знаете ли, одну до того оригинальную вещицу откопали. Сонату некоего Вентейля.

79. В гостиной.
Мадам Вердюрен (37) сидит на легком высоком стуле из вощеной сосны. В гостиной — доктор Котар (35), мадам Котар (31), Бришо (42) и Дешамбр (20).

Мадам Вердюрен. Нет-нет-нет! Только не мою сонату! Я же на неделю целую слягу! Ох! Ну, да ладно, ладно, что делать, сдаюсь! Рискую собственным здоровьем, но чем

не пожертвуешь ради искусства! Мсье Сван, вам ведь там неудобно — пересели бы вы лучше на диван к мадемуазель де Креси. Вы ведь можете высвободить для него местечко, Одетта, правда же, моя прелесть?

Одетта. О да, мадам Вердюрен, конечно.

Сван садится рядом с Одеттой. Она тихо опускает ресницы.

80 Гостиная, долгий кадр.
Дешамбр играет на рояле отрывок из сонаты, включающий "короткую фразу".
Мадам Вердюрен сидит зажмурясь, прижимая ладони к лицу.

81. Сван и Одетта.
Сван сосредоточенно слушает, хмуря лоб.

82. Интерьер. В доме Одетты на улице Лаперуза. Париж. 1879.

В узкой передней перед гостиной — в длинном ящике цветут пышные хризантемы. Пальмы тянутся из фаянсовых горшков, в вазах китайского фарфора утоплены лампы, всюду — ширмы-ширмы, и к ним прикреплены фотографии. Веера, атласные банты, большие подушки из японского шелка, верблюд на каминной полке посверкивает серебряными инкрустациями подле нефритовой жабы, на мольберте — портрет Одетты.
У Одетты — голая шея, голые плечи. На ней бледно-лиловый крепдешиновый пеньюар. Одетта играет на пианино ту самую "короткую фразу", играет топорно. Сван на нее смотрит, слушает.

Сван. Сыграй еще разок.

Одетта (*смеясь*). Еще разок! И далась тебе эта фраза! (*Играет.*) Я же совсем играть не умею.

Он целует ее в шею, в душку, в губы, она, сбиваясь, продолжает играть. Но вот перестала.

Ну хватит. Решай. То ли ты хочешь, чтоб я тебе играла эту фразу, то ли сам хочешь со мной играть?

Сван. Это наша музыка. Наш гимн (*целуя ее*). Ведь правда, она прекрасна?

Одетта. Да, очень даже милая музыка.

Сван. Есть у Ботичелли картина. Дочь Иофора[1]. Это ты. Она — это ты.

Одетта (*быстро его целуя*). Миленький ты мой.

83. Интерьер. В доме у Одетты. Ранний вечер. 1880.

1. Имеется в виду фрагмент фрески Сандро Ботичелли в Сикстинской капелле Ватикана на библейский сюжет. Дочь Иофора, Сепфора, стала женой Моисея. Исход. 2:21.

Сван в неудобной позе сидит на диване, Одетта над ним хлопочет, суетится, подтыкает под него подушки. Ставит чайный поднос на столик с ним рядом. Укладывает ему ноги на скамеечку, хихикает.

Сван вытаскивает из кармана пухлую пачку банкнот. Протягивает ей.

Сван. Ты сказала, тебе немного денег бы не помешало.

Одетта. Ох, милый мой! (*Наклоняется, чтоб его поцеловать.*)

84. Одетта — глазами Свана.
Она наклоняется, чтобы его поцеловать.
Чем ближе к его глазам ее нежные, зардевшиеся щеки, тем отчетливей видны поры на коже.

85. От Одетты к Свану.
Она его целует.
Он не закрывает глаз.

86. Экстерьер. Ночь. Улица перед домом Одетты.
Подъезжает экипаж. Сван выходит, идет к двери, стучит. Тишина.
На Одетте второпях накинутый пеньюар. Она растерянно смотрит на него.

Сван. Поздно, сам понимаю. Ты уж меня прости.

Одетта. Но ты ведь сказал, что сегодня тебя не будет. А твой званый ужин как же?

Сван. Я пораньше удрал. Чтоб тебя повидать.

Одетта. Но я сонная вся. И дико голова разболелась. И я спала.

Сван. Впусти меня... Я... я тебя подлечу.

Одетта. Сам сказал — не приду, никто за язык не тянул, а у меня, как на грех, голова буквально раскалывается, я ложусь, и тут ты заявляешься, посреди ночи.

Сван. Но ведь одиннадцать часов всего-навсего.

Одетта. Для меня это — посреди ночи. (*Смягчаясь.*) Ну, пожалуйста. Не теперь. Завтра. Завтра вечером. Так будет лучше. Так будет дивно. Пойми.

87. Экстерьер. Перед домом Свана. Ночь, улица, Париж.
Подъезжает экипаж. Кучер отворяет дверцу. Сван не шевелится.

Сван. Поворачиваем обратно. На Лаперуза.

88. Экстерьер. Ночь. Улица Лаперуза.
Уже погашены все фонари. Кругом сплошная мгла, лишь в одном-единственном окне пробивается свет — сквозь щели между створами ставен.
Сван тихонько подходит к этому окну, он стоит, прислушивается.

Слышен тихий шелест мужского голоса.
Сван стоит, мучается, не знает, что ему делать.
И вдруг стучит в эти ставни.
Молчанье.
Он стучит опять.
Мужской голос: "Кто там?"
Пока отворяются ставни, окно, Сван начинает говорить.

Сван. Вот, просто я шел мимо. Хотел узнать, может тебе полегчало?

Ставни меж тем открылись.
Господин преклонных лет с лампой в руке удивленно в него вглядывается. Другой господин преклонных лет стоит в глубине комнаты — совершенно незнакомой.

Сван. Простите меня великодушно. Я, кажется, спутал дом.
Старый господин. Спокойной ночи, мсье.

Он закрывает ставни.
Сван стоит в темноте и смотрит на дом Одетты, тихий, погруженный во тьму.

89. Интерьер. В спальне у Одетты.
Одетта расчесывает волосы за туалетным столиком.

Сван. Одетта, я должен тебе задать несколько вопросов.
Одетта. Ну, что еще такое? (*Смотрит на него.*) Гадкие вопросы, уверена.
Сван. С тех пор как ты узнала меня, у тебя... были другие мужчины?
Одетта. Вот, я же по глазам твоим видела, что это будут за вопросы. Нет. Никого у меня не было. Зачем мне другие мужчины, дурашка? Раз у меня есть ты.

Пауза.

Сван. А женщины?
Одетта. Женщины?
Сван. Ну, помнишь, мадам Вердюрен тебе как-то сказала: "Уж я-то знаю, как вас растопить. Небось, вы не мраморная".
Одетта. Ой, ты у меня про это уже сто лет назад спрашивал.
Сван. Знаю, но...
Одетта. И я тебе тогда же объяснила, что это была шутка. Обыкновенная шутка, пойми.
Сван. Но у тебя с ней когда-нибудь — было?
Одетта. Сказано же тебе — нет! И ты сам прекрасно знаешь. Да она, кстати, и не по этой части.

Сван. Не надо мне говорить: "Ты сам прекрасно знаешь". Нет, ты скажи: "У меня никогда не было ничего подобного с мадам Вердюрен и ни с какой другой женщиной".

Одетта (*механически, без выражения*). У меня никогда не было ничего подобного с мадам Вердюрен и ни с какой другой женщиной.

Пауза.

Сван. И ты можешь в этом поклясться на своем образке, который носишь на шее?

Одетта. Даже противно! И что за муха тебя сегодня укусила?

Сван. Скажи мне, поклянись на своем нательном образке — только "да" или "нет", делала ты такие вещи или не делала?

Одетта. Ах, да почем я знаю? Я даже не понимаю толком, о чем ты меня пытаешь. Какие — такие вещи? Ну, может, что-то я такое и делала, давным-давно, когда еще сама не понимала, что делаю. Может, раза два или три, ну, я не знаю.

Пауза.

Сван. Сколько же раз, если точней?

Одетта. О Господи! (*Легкая пауза.*) И, вообще, это ж было так давно. Я и думать забыла. Кому-то, ей-богу, покажется, что ты нарочно вбиваешь эти идеи мне в голову — чтоб я взялась за старое.

Сван. Вопрос ведь самый простой. И ты должна вспомнить. Ты должна вспомнить, с кем... ну же, моя радость. Хотя бы, например, в последний раз.

Теперь Одетта успокоилась, она говорит легко и беспечно.

Одетта. Ой, даже не знаю. По-моему, в Булонском лесу... на острове... как-то вечером... ты ужинал у своих этих Германтов. За соседним столиком сидела одна женщина, я сто лет ее не видала. И вдруг она мне говорит: "Пошли, зайдем за скалу, полюбуемся на лунную дорожку". Сперва я только зевнула и говорю: "Нет, устала я". А она давай божиться, что такой изумительной лунной дорожки я в жизни своей не видела. "Слыхали мы эти сказки", — я ей говорю. Я сразу раскусила, что у ней на уме.

90. Экстерьер. Дом и парк Свана в Тансонвиле. Среди дня. Ни души.

Сван (*усталый голос за кадром*). Может, раза два или три.

Поет птица.

Я сразу раскусил, что у нее на уме.

91. Экстерьер. Перед домом мсье Вентейля в Монжувене. Раннее утро. 1895.
Камера неподвижно смотрит в окно гостиной.
Входит МАДЕМУАЗЕЛЬ ВЕНТЕЙЛЬ, останавливается, потом идет к каминной полке, берет с нее фотографию, подходит к дивану, ставит фотографию на столик рядом, ложится на диван.
Входит ее ПОДРУГА, мадемуазель Вентейль садится, подвигается, давая ей место на диване.
Подруга смотрит на нее и молчит.
Мадемуазель Вентейль снова ложится, зевает.

ПОДРУГА. Хоть бы уж ты переоделась, сменила, наконец, это кошмарное платье. Ты что? Вечно будешь траур таскать по отцу?

Мадемуазель Вентейль встает, подходит к окну, чтоб закрыть ставни.

Зачем это? Так оставь. Мне жарко.
МАДЕМУАЗЕЛЬ ВЕНТЕЙЛЬ. А вдруг нас увидят.

Подруга ухмыляется.

То есть увидят, как мы читаем, и вообще, ну, мало ли.
ПОДРУГА. Ну, увидят, как мы читаем — и что? Кто может против этого возражать? (*Пауза.*) Где же книга твоя?
МАДЕМУАЗЕЛЬ ВЕНТЕЙЛЬ. Книга?
ПОДРУГА. Как ты будешь без книги читать, глупая твоя голова? Но я, кстати, не читаю. Я размышляю.
МАДЕМУАЗЕЛЬ ВЕНТЕЙЛЬ. О чем?

Подруга подходит к мадемуазель Вентейль. Ее целует.
Та увертывается. Подруга не отступает.
Мадемуазель Вентейль падает на диван. Подруга ложится на нее.

Папа смотрит. Не надо.

Подруга поворачивается, хватает фотографию.

ПОДРУГА. А знаешь, что я сейчас сделаю с твоим дохлым папашкой? (*Она что-то шепчет.*)
МАДЕМУАЗЕЛЬ ВЕНТЕЙЛЬ. Ты этого не сделаешь.
ПОДРУГА. Еще как сделаю. Еще как.

Мадемуазель Вентейль бежит к окну и затворяет ставни.
Камера медленно отворачивается от этого окна.
МАРСЕЛЬ (ему 15 лет) внимательно смотрит.

92. Экстерьер. Сельская дорога близ Комбре. Закат. 1895.
Карета доктора ПЕРСПЬЕ мчится во весь опор.

Доктор обгоняет Марселя и все семейство, бредущее по дороге, и останавливается, поджидая их.
Он предлагает всех подвезти. Они влезают в карету.
Марсель устраивается на козлах, с кучером.

93. Глазами Марселя. Из движущейся кареты.
Две неразлучных колокольни при Мартенвильской церкви, и дальше, совсем далеко, третья — в другом селе.
Сперва мартенвильские колокольни строго соблюдают дистанцию с той — дальней, третьей. Но дорога петляет, и в слепящих косых лучах, колокольни как будто перемещаются, как будто бродят по вечереющему простору. Вот только что та, третья, стояла далеко-далеко, на холме, но вдруг она подступает к мартенвильским двойняшкам, встает с ними рядом.
Карета мчит, и непрестанно меняется расположение колоколен.
Вот только мартенвильские колокольни видны, третья скрылась из глаз.
Вот третья подрагивает, сквозя, как в тумане.
Вот мартенвильские колокольни почти совсем стерло из виду; и, поразительно четкая, ярко сияет третья.
И, наконец, все три колокольни, вместе, рядышком, танцуют в закатных лучах.

94. Крупный план. Взволнованное лицо Марселя.

95. Экстерьер. Аллея акаций. Париж. Зимний день. 1897.

Марсель (17 лет) смотрит, как в его сторону катит виктория.
Одетта сидит, откинувшись, поигрывая лиловым зонтиком.
Двое господ с Марселем рядом, ей кланяются, подбрасывая котелки.
Одетта нежно им улыбается.

96. Глаза Одетты.

97. Виктория скрывается из виду.
Господа переглядываются.

Первый господин. Был, помнится, с ней в постели, в тот самый вечер, когда ушел в отставку генерал Мак-Магон[1].

98. Экстерьер. Сады в Елисейских полях. Париж. 1897.
Жильберта шепчется с подружкой в кустах. Слышен хохот подружки, крик: "Ой, Жильберта".
99. Марсель смотрит на Жильберту.

1. Патрис де Мак-Магон (1808–1893) — французский военачальник и политический деятель, маршал, ушел с поста Президента Франции в 1879 г., то есть без малого за двадцать лет до происходящей сцены.

100. На заднем плане Сван, стоя под деревом, смотрит на Марселя и на Жильберту.
Марсель не догадывается о присутствии Свана.

101. Экстерьер. Дом Свана, в Париже.
Жильберта бежит к дому и исчезает в дверях.

102. Экстерьер. Дом Марселя на бульваре Малерба в Париже. Вечер.
Марсель входит в дом.

103. Интерьер. В доме Марселя. Холл. 1897.
Марсель (17 лет) идет мимо отворенной двери отцовского кабинета.

Отец. А, Марсель. Зайди-ка.

Марсель входит в кабинет.

104. Интерьер. В кабинете.

Отец. Я хочу тебя представить его превосходительству послу, маркизу де Норпуа.

Раскланиваются.
Маркизу де Норпуа семьдесят лет.

Марсель. Добрый вечер, мсье.
Норпуа. Добрый вечер, юноша. Ваш батюшка мне поведал, что вы намереваетесь избрать своим поприщем литературу?
Марсель. Я... да, в общем-то... да, мсье.
Норпуа. Предпочтя ее дипломатии?
Марсель. Да... пожалуй что и так можно сказать, мсье.
Норпуа. И вы не склонны следовать по славным стопам вашего отца?
Отец. Марсель еще, конечно, не достиг того возраста, когда необходимо принимать окончательное решение.
Норпуа. Поприще сочинителя может принести драгоценнейшие плоды, но для этого, осмелюсь доложить, непременно требуется, чтобы тот, кто избрал его, совмещал в себе трудолюбие, волю, неуклонную целеустремленность, одновременно отдавая себе трезвый отчет в своих возможностях и границах и, естественно (*улыбается*), обладая талантом. Вот сын одного моего приятеля, например, — два года тому опубликовал он трактат о "Восприятии Бесконечного на восточном берегу озера Виктория-Ньянза", а нынешней весной из-под его пера вышел весьма острый эссей "Использование магазинных ружей в болгарской

армии" — писанный, разумеется, уже совсем в ином роде. И, таким образом, он теперь, я бы сказал, вне конкуренции. Мне, кстати, посчастливилось узнать, что имя его произносилось в сопровождении весьма лестных отзывов в связи с предварительным обсуждением кандидатур в Академию нравственных наук.

Отец. Вот как?

Норпуа. О, да. Рад отметить, что успех, выпадающий обыкновенно исключительно на долю агитаторов и баламутов, увенчал на сей раз столь честные усилия. (*Марселю.*) А что написали вы?

Марсель. Мсье?

Норпуа. Что написали вы?

Марсель. Ничего... по-моему... ничего такого законченного.

Отец вынимает листок бумаги из ящика письменного стола.

Отец. А это как же?

Марсель. Что это?

Отец. Твое сочинение. Стихотворение в прозе, как ты сам его обозначил. Про колокольни.

Марсель (*испуганно*). Ах, нет! Нет... это же...

Отец. Разве оно не закончено?

Марсель. Ну да, закончено. Но когда это было... Это... так... незрелое, проба пера.

Норпуа. Иной раз и в раннем опыте проглянут, знаете ли, весьма внушительные задатки. (*Отцу.*) Вы позволите?

Отец (*передавая листок*). Да-да. Прошу вас.

Норпуа (*заглядывая в текст, бормочет*). Колокольни.

Мсье Норпуа читает. Молчание. Мсье Норпуа дочитал, он поднимает взгляд, прочищает горло, возвращает листок Марселю, пристально на него смотрит.
Отец берет листок, снова прячет в ящик письменного стола.

Отец. Не отправиться ли нам к столу?

105. Интерьер. В столовой.
За ужином — Норпуа и все семейство, включая Бабушку.

Норпуа. У вас отменный повар, мадам. Истинное пиршество. Не часто случалось мне едать говядину по-провансальски, в которой соус не отдавал бы клеем, а мясо в должной мере пропиталось морковным духом. Восхитительно!

Мать. Как мне приятно.

Отец. Были вчера на ужине в Министерстве иностранных дел? Я не смог прийти.

НОРПУА. Нет. Я, должен признаться, променял встречу с коллегами на общество совсем иного рода. Я ужинал у прелестнейшей мадам Сван.

У Матери и у Отца вытягиваются лица. Марсель впивается взглядом в Норпуа.

МАТЬ. Как интересно. И много народу было?

НОРПУА. Этот дом, честно говоря, да, я принужден заметить, особенно приманчив для сильной половины человечества. Было там несколько и женатых мужчин, но жены их (*с улыбкой*) все, как на грех, оказались нездоровы.

МАТЬ. Ну, а мсье Сван, сам он... здоров, Ваше Превосходительство?

НОРПУА (*подмигнув*). О, кажется, он ведет жизнь самую деятельную, как и жена его, судя по тому, что болтают злые языки.

ФРАНСУАЗА и ЛАКЕЙ вносят пудинг.

Пудинг Нессельроде![1] Ого! Долгонько же мне придется сбрасывать лишний вес, мадам! (*Принимается за пудинг.*)

МАРСЕЛЬ. А дочь мадам Сван была за ужином?

НОРПУА. Она была, да. Прелестнейшая девица.

МАРСЕЛЬ. Я вот думаю, не могли бы вы как-нибудь при случае меня ей представить?

Мать с Отцом оторопело смотрят на него.

НОРПУА (*смерив его ледяным взором и вновь принимаясь за пудинг, бормочет*). Разумеется, разумеется.

106. Сады в Елисейских полях. День. (Все, как в кадре 100.)
ЖИЛЬБЕРТА шепчется с подружкой в кустах.
МАРСЕЛЬ неотрывно смотрит в ту сторону.
Свана нет.
Хохот подружки, вскрик: "Ой, ну, Жильберта!"

107. Экстерьер. Перед домом Свана. Париж. Вечер.
Из подъезда выходит ЖИЛЬБЕРТА с молодым человеком. Они идут по улице прочь, исчезают из виду.
Камера находит МАРСЕЛЯ,
Еще мгновение он смотрит Жильберте вслед, потом поворачивается и уходит.

1. Пудинг назван в честь Карла Васильевича Нессельроде (1780–1862) оттого, что этот российский дипломат, государственный деятель, недруг Пушкина был известен своим гурманством (он, кстати, любил повторять изречение Талейрана: "Лучший друг дипломата – его повар").

108. Экстерьер. Бальбек. Набережная. День. 1898.
Со стороны "Гранд-отеля" камера движется вдоль набережной и выхватывает из толпы, вдалеке, группку из пяти девушек, кидающихся в глаза одеждой, повадкой, одна толкает велосипед, две несут клюшки для гольфа.
Они медленно приближаются.
Звука нет.

109. Интерьер. В ресторане отеля. Бальбек. День. 1898.
Знойный день. Шторы задернуты, хоть и не плотно, для защиты от палящего солнца.
В просветах между шторами сияет и плещется море, а в одном из просветов мы видим, как Сен-Лу, в очень легком, очень бледном костюме, идет взлетающим шагом с пляжа к отелю, то и дело вправляя выпрыгивающий монокль.
Камера перемещается и, пройдя через вестибюль, вползает на зеркальный фасад отеля, снизу сплошь налитый морем, и на переднем плане Сен-Лу машисто шагает к запряженной парой пролетке. Вспархивает на козлы, отбирает вожжи у кучера. Швейцар сломя голову выскакивает из подъезда, бежит к Сен-Лу, подает ему письмо, Сен-Лу вскрывает конверт, одновременно дергает вожжи, и уносится во весь опор.
Звука нет.

110. Экстерьер. Набережная. Бальбек. День. 1898.

Крупный план.
Барон де Шарлю (51) стоит перед театральной афишей. Темный костюм, темные усы. Он что-то остро пронзает взглядом.
Звука нет.

111. Интерьер. В купе движущегося поезда. День. 1898.
Марсель (18) и Бабушка (66).

Марсель. Нет, правда, я решительно не понимаю, почему мне нельзя было поехать в Венецию.

Бабушка (*ласково*). Но доктор сказал, что воздух Бальбека тебе будет полезней, ты же сам знаешь.

Марсель хмыкает.

Марсель. Выпить бы.

Она внимательно на него смотрит.

Ты же знаешь, я болен! Хочешь, чтоб у меня снова приступ разыгрался? Доктор предписал мне выпить немного коньяку, как только мы тронемся. И вообще — мне плохо. Мне надо глотнуть коньяку.

Бабушка. Ну, так пойди и глотни.

Марсель. Мне для здоровья необходимо.

112. Интерьер. В купе поезда. День.
Бабушка одна, читает. Входит Марсель, он пьян.

Марсель. Прелестные официанты. Такая ловкость, предупредительность, знаешь ли. И даже контролер, знаешь, редкой тонкости человек. И остроумный, кстати. (*Его пошатывает.*) Честно говоря... честно говоря, я боялся, что буду в Бальбеке скучать по маме, но теперь вижу — не буду. Нет. Доктор был абсолютно прав, что касается коньяка. Абсолютно. Мне заметно полегчало.

Вдруг он садится, смотрит на Бабушку.

Кстати, может, тебе тоже чего-нибудь хочется?

Бабушка. Нет-нет. Не попытаться ли тебе вздремнуть?

Он закрывает глаза.

113. Сквозь отуманенный взгляд Марселя.
Бабушка внимательно его разглядывает из-под своей вуали с крупными мушками.

114. Интерьер. Бальбек, "Гранд-отель", номер Марселя. Ночь. 1898.
Марсель сидит на постели и тоскливо озирает затененную ставнями и шторами комнату. Часы тикают тяжко, задышливо. Кинув взгляд вдоль книжных полок, мерцающих стеклами в свете лампы, он внимательно смотрит на высокое зеркало, стоящее в углу. В зеркале — его отражение.
Он выворачивает шею, разглядывая высокий потолок, вздрагивает, снова видит свое отражение. Идет к зеркалу, ставит лицевой стороной в угол.
Подходит к стене между номерами, мешкает, потом робко, осторожно стучит — три раза.
Пауза. И вот из соседней комнаты трижды слышится спокойный, уверенный стук.
Он сидит на постели. Отворяется дверь, входит Бабушка в просторном батистовом платье.

Бабушка. Не можется тебе?
Марсель. Нет, устал просто.

Она к нему подходит, наклоняется, щупает ему лоб.
Он порывисто ее обнимает, целует в щеку.
Она его держит за плечи.

Бабушка. А теперь встань-ка.

Он встает.

И мы с тебя снимем эти ботиночки.

Марсель. Нет, не надо, я сам...

Бабушка. Нет-нет, давай уж я. Мне нисколько не трудно. Ты только держись за мое плечо, и мы сейчас возьмем и снимем с тебя эти ботиночки.

Она опускается на колени, расшнуровывает ему ботинки, он печально глядит на нее сверху вниз.

115. Интерьер. В спальне. Утро.
Стекла книжных шкафов заполнены блеском неба и моря.
На полу стоит чемодан, вокруг раскиданы вещи.
Марсель с мокрым лицом, голый по пояс, тянется от умывальника к крюку для полотенец, берет чистое, накрахмаленное, похрустывающее в руках полотенце, утирается, смотрит в окно.
В окне — слепящее море.
Не отрывая от моря глаз, Марсель вешает полотенце на крюк.
У Марселя — счастливое лицо.

116. Интерьер. В спальне. Утро.
Франсуаза стоит и смотрит на чемодан.
Цокает языком, потом наклоняется, начинает подбирать разбросанные вещи и аккуратно раскладывать в шкафу по полкам.

117. Интерьер. В ресторане отеля. Ленч.
Марсель сидит с Бабушкой за столиком у окна. Окно закрыто.
Бабушка тянется к боковому окну, его отворяет. Врывается ветер. Вихрем взметает меню и газеты. Дамы придерживают на себе шляпки, вспархивают вуали. Вокруг недовольные лица, протесты. Официанты кидаются к окну — закрыть.
Марсель смотрит на Бабушку.
В глубине, у входа в ресторан появляется Пожилая дама (66 лет).
Она видит Бабушку, лицо у нее светлеет.
Но Бабушка, потупившись, не отвечает ей на улыбку.
Пожилая дама отводит взгляд, и ее провожают к столику.

Марсель. Эта дама тебя, кажется, знает.

Бабушка. Еще бы. Это маркиза де Вильпаризи.

Марсель (*во все глаза глядя на Бабушку*). Но это ж одна из твоих ближайших подруг! И ты не хочешь с ней разговаривать?

Бабушка. Не того ради ездят на море, чтобы со знакомыми встретиться, пусть и самыми милыми. На море ездят ради покоя, отдыха, свежего воздуха. И мадам де Вильпаризи сама это прекрасно знает.

118 Экстерьер. На набережной. День.
Марсель стоит одиноко.
Он видит — очень издали — те самые пять девушек медленно приближаются, как бы взрезая толпу. Одна катит велосипед. Две несут клюшки для гольфа.
Он на них смотрит, не отрываясь.
Его окликают: "Марсель!" Он оборачивается. К нему спешат Бабушка и мадам де Вильпаризи.

Бабушка. Позвольте вам представить моего внука. Марсель — маркиза де Вильпаризи.

Он кланяется.

Мадам де Вильпаризи. Здравствуйте. Вот — мы с бабушкой вашей сейчас буквально нос к носу столкнулись в дверях лавки. Я понятия не имела о том, что она в Бальбеке. Такой дивный сюрприз!

Бабушка. И ваш племянник, вы говорите, тоже вот-вот сюда приедет из Парижа?

Мадам де Вильпаризи. Я жду даже сразу двоих племянников. Точней, один — мой племянник, а другой — внучатый племянник. Первый второму приходится дядей (*смеется*). Но я-то им обоим тетка.

Дамы уходят парочкой.
Марсель двинулся было за ними, но передумал. Он останавливается, оборачивается, оглядывает набережную.
Тех девушек и след простыл.

119. Интерьер. В ресторане. Под вечер.
Задернуты шторы. Марсель сидит один и пьет кофе. Со своего места за столиком он видит весь вестибюль насквозь, видит стеклянный фасад. Перед этим фасадом, на фоне моря, Сен-Лу крупно шагает к пролетке, запряженной парой, взлетает на козлы, берет протягиваемый швейцаром конверт, вскрывает, дергает поводья, пускает лошадей вскачь и — скрывается из виду.

120. Крупный план. Барон де Шарлю перед театральной афишей.

121. Экстерьер. Набережная. День.
Марсель, почувствовав на себе чей-то взгляд, оборачивается. И видит: Шарлю перед театральной афишей. В темном костюме, остегивая брючины стеком, он не отрывает глаз от Марселя. Но тут же резко отворачивается, погружается в изученье афиши, вынимает блокнот, что-то записывает, смотрит на часы, надвигает на глаза канотье, оглядывает набережную, вздыхает и быстро уходит.
Марсель недоуменно смотрит ему вслед.

122. Экстерьер. Набережная. День.
Та самая стайка девушек проходит по набережной. Они идут безупречно прямым курсом, никого, кажется, не видя на своем пути. Одни их сторонятся недоуменно, другие в легком испуге. Девушки ни на кого не обращают внимания, ступают уверенно, нагло, лихо перепрыгивая через любые препятствия.
Вот одна вдруг вскакивает на эстраду, на лету задев ногой старика, сидящего внизу, в шезлонге. И сбив с него при этом панамку. Старик на нее вскидывает ошеломленный взгляд. Подружки хлопают в ладоши, хохочут.
Они все ближе. Ярко сияет солнце.
Девушки отчетливо вырисовываются на фоне моря.

Смесь одежд и лиц, глаз и волос близится, разнообразно, пестро и нерасторжимо сливаясь.
Вдруг лицо одной девушки очень точно попадает в фокус.
Темноволосая, в бейсбольной шапочке, она толкает велосипед.
Поворачивается, смотрит в камеру.
Это Альбертина, ей восемнадцать лет.

123. Экстерьер. Набережная.
Марсель
Девушки проходят мимо.
Альбертина на него смотрит.
И отворачивается.

124. Интерьер. В вестибюле отеля.
Мадам де Вильпаризи, Шарлю, Сен-Лу, Марсель.

Мадам де Вильпаризи. Барон де Шарлю.

Шарлю, не глядя на Марселя, простирает обтянутую замшей руку, подогнув мизинец, большой и указательный пальцы, для пожатия предоставив Марселю только средний и безымяный. Марсель пожимает их.

Маркиз де Сен-Лу-ан-Бре.

Сен-Лу, храня каменную недвижность стана, не дрогнув ни единой жилкой в лице, смотрит пустым взглядом. Резко выбрасывает вперед руку. Марсель ее пожимает.

125. Ресторан "Ривбель" (близ Бальбека). Вечер.
При ресторане большой сад, уставленный столиками.
Внутри ресторана играет цыганский оркестр. Все столики заняты, официанты носятся как угорелые, что-то на бегу кричат распорядителям, те в ответ только тычут их пальцами в ребра. Большие столы с закусками. За цветочными ящиками укрыты две толстухи-кассирши. Марсель и Сен-Лу стоят в дверях, служитель берет макинтош у Марселя.

Сен-Лу. Пожалуй, вам лучше оставить плащ при себе. Здесь жуткие сквозняки. Пожалуйста, подождите
Марсель. Нет-нет. Зачем.

Они входят в ресторан, пробираясь между обсиженными столиками.
Женщины поднимают глаза от тарелок, смотрят им вслед.
Сен-Лу изредка кивает.
Одна женщина поворачивается к соседке и шепчет.

Женщина. Надо же, вспомнил!

Сен-Лу и Марсель садятся, им приносят меню, подают пиво.

126. Экстерьер. "Ривбель". В саду.

Еще не сгустилась ночь. Ресторанные лампы изнутри бросают на окна бледные, зеленоватые блики.
Ресторан светится в сумерках, как аквариум.

127. Интерьер. В ресторане.

Сен-Лу. Не часто встретишь человека, который увлечен писательством, хочет писать, ищет способа выразить опыт в словах.

Сен-Лу ждет от Марселя ответа. Марсель молчит.

Так называемый высший свет, к которому я имею несчастье принадлежать, веками только тем и занят, что пестует свое невежество, покуда оно не отольется в чистейшую пошлость ума, и та, прикрываясь жестом, спесью, осанкой, у них слывет за породу. Им невдомек, что их позы и притязанья безнадежно и давно устарели. Ах, да они вообще ничего не знают, им на все плевать, кроме своего положенья и денег. Жалкие обыватели.

Перед ними ставят на стол закуски.
Оба приступают к еде.

Вы на меня с таким укором глянули давеча, когда я беседовал с моим кучером.

Марсель. Мне показалось, что вы с ним чересчур строги.

Сен-Лу. Я к нему отношусь как к равному. С чего бы я вдруг изменил своим привычкам и стал рассыпаться перед ним в любезностях? Вы считаете, кажется, что я должен его обхаживать, цацкаться с ним, как с низшим. Я веду себя с ним точно так же, как с членами моей семьи. Вы рассуждаете, как аристократ!

Оба едят.

Марсель. В этих местах всегда себя чувствуешь, как в аквариуме. Так и чудится, что кто-то снаружи вломится, разобьет стекло и слопает рыбок.

Сен-Лу молча, внимательно на него смотрит.

128. За тем же столиком. Позже.
Оба пьют портвейн.

Сен-Лу. Мое семейство бесится из-за того, что я влюблен в актрису. А у нее в одном мизинце больше такта и тонкости, чем у них во всей массе тела. Но факт остается фактом, я, признаюсь вам честно, схожу по ней с ума. Я думаю о ней, мечтаю о ней непрестанно. Прошлой ночью мне сни-

лось, что я в незнакомом доме. Где хозяином — наш сержант. Сидим, пьем. И вдруг я слышу звуки... ее звуки... понимаете... ее звуки. Кто-то с ней, у нее в комнате. Я слышу ее звуки. Но сержант не пускает меня к ней. Ни за что не пускает. Отказывает наотрез. Ярится, заявляет, что это будет с моей стороны исключительно нескромно, невежливо в высшей степени... не по-благородному.

Пауза.

И приснится же такая дрянь. (*У него на лбу проступает пот.*) Я сейчас, я мигом. (*Встает и пробирается между обсиженными столиками к двери.*)

Марсель подзывает официанта.

Марсель. Кусочек хлеба, пожалуйста.
Официант. Да-да, сейчас, господин барон.
Марсель. Я не барон.
Официант. Прошу прощения, господин граф.

В дверях появляется Сен-Лу с макинтошем Марселя на сгибе локтя. Быстрым взглядом окинув битком набитый ресторан, он смотрит в дальний угол, туда, где на самом конце красного плюшевого дивана, обегающего стену, сидит Марсель. Сен-Лу вспрыгивает на этот диван, с него перешагивает на узенький выступ над ним.
Персонал застывает, забыв о своих обязанностях, ужинающие тоже неотрывно смотрят на Сен-Лу, пока тот бежит по выступу, изгибаясь и балансируя руками, как канатоходец. Робко шелестят аплодисменты. Вот он добрался до своего столика и, спрыгнув, подает макинтош Марселю.

Сен-лу. По-моему, становится свежо.

129. Интерьер. В отеле, номер Марселя. Ночь.
Марсель один в номере. Стук в дверь.

Марсель. Кто там?
Шарлю. Это я, Шарлю. Можно войти?

Марсель отворяет дверь, входит Шарлю с книгой в руке.

Мой племянник мне рассказал, что вас по вечерам, перед тем как ложиться спать, часто одолевает тоска и что вы любите Анатоля Франса. У меня с собой случайно оказался один его роман. Вот я и подумал — глядишь, он вам придется по вкусу, поможет развеяться на сон грядущий.
Марсель. Как это любезно с вашей стороны. Спасибо. Но вам, наверно, мои эти... настроения... по вечерам... кажутся ужасной глупостью.

Шарлю. Да нет, с чего вы взяли? У вас, возможно, и нет особых личных достоинств. Так ведь — у кого ж они есть. Но у вас, по крайней мере теперь, есть юность, а это всегда прелестно. Вы к тому же избрали для своей привязанности верный объект, вашу Бабушку. Вполне законная привязанность. То есть взаимная. Что не часто бывает. (*Задумчиво прохаживается взад-вперед по комнате.*) У меня в номере еще один томик Анатоля Франса завалялся. Тоже надо бы вам принести.

Шарлю не трогается с места. Оба стоят и молчат.

Марсель. Не беспокойтесь, пожалуйста. Одного тома вполне достаточно.

Шарлю. Вот и я подумал.

Опять оба молчат.

Шарлю (вдруг, резко). Спокойной ночи.

Он уходит.

130. Море.
Марсель плывет.
Сквозь пенные брызги он видит, как та девичья стайка идет по набережной.

131. Интерьер. Отель. Лифт.
Марсель входит в лифт.
Лифт поднимается.
Марсель смотрит сквозь рейки.
От каждой площадки разбегаются сумрачные коридоры.
По одному идет горничная, волоча диванный валик.
Марсель весь подается вперед, чтоб получше ее разглядеть.
Но лифт взмывает, горничная исчезает из виду.

132. Интерьер. В отеле. На этаже Марселя.
Марсель выходит из лифта.
По коридору спешит Франсуаза.

Франсуаза. Маркиз де Сен-Лу фотографию с Бабушки вашей снимать будет. Уж такие оне довольные. Платье кобеднишное надели.

Марсель следом за Франсуазой входит к Бабушке в комнату.

133. Интерьер. В номере Бабушки.
Бабушка сидит перед зеркалом и примеряет шляпки.

Бабушка. Ну, не глупо ли? Маркиз...

Марсель. Знаю. Слышал.

Бабушка. Ты — против?

Марсель. Мне это представляется легкомысленной и смехотворной затеей.

Франсуаза. О, мсье, она же шляпу надеть собралась, какую для ней Франсуаза приладила и...

Марсель. Что еще за шляпа?

Франсуаза. А на ней которая.

Он молчит.

Бабушка. Тебе не нравится?

Марсель. Исключительно элегантно.

Бабушка. Если ты против, я...

Марсель. Ах, пожалуйста, поступай как знаешь. Хоть казалось бы, в твоем возрасте... Ладно, не буду тебе мешать, прихорашивайся.

Он уходит.
Огорченное лицо Бабушки.
Она смотрится в зеркало.

Бабушка. У меня совсем больной вид. (*Улыбается Франсуазе.*) Спасибо, Франсуаза. Эта шляпа все скроет.

134. Экстерьер. Перед отелем.
Сен-Лу с аппаратом. Он фотографирует Бабушку.

135. Фотография Бабушки.
Измученное лицо, старательно скрываемое в тени широкополой шляпы.

136. Интерьер. В ресторане отеля. Вечер.
В ресторане — тихо, пусто.
Слышится дальний гудок парохода.

137. Бальбек. На скале. Общий план.
Стайка девушек. Пикник на траве.

138. Дорога на Гудимесниль. День.
Карета маркизы де Вальпаризи увозит по изволоку вниз Маркизу, Бабушку и Марселя.
Марсель пусто смотрит прямо перед собой.
Вдруг лицо у него напрягается, он щурится.

139. Вязы.
Три вяза одиноко стерегут поворот в аллею.

140. Лицо Марселя.

141. Карета на дороге. Вид сверху.

142. Глазами Марселя.
Вязы как будто гонятся за убегающей от них каретой.

143. Взволнованное лицо Марселя.

144. Вязы.
Они гонятся за каретой.

145. В карете.
Бабушка и маркиза де Вильпаризи нежными улыбками провожают плывущую вспять округу.

146. Напряженное лицо Марселя.

147. Промельк тех, мартенвильских колоколен.

148. Вязы отстают, отодвигаются вдаль.

149. Вязы исчезли из виду.

150. Лицо Марселя.
Он все смотрит, смотрит назад.

151. В карете.

Бабушка. И на что это ты там загляделся, а, Марсель?
Марсель (*оборачиваясь*). Да так.
Мадам де Вильпаризи. Может, я что-то важное пропустила?
Марсель. Нет.

152. Крупный план. Цветы на скале.
Пароходы на горизонте.
Дрожат над цветами бабочки.

Жизель (*голос за кадром*). Вы сэндвичи, что ли, совсем не едите?

153. Экстерьер. Бальбек, скала, день.
Стайка девушек: Альбертина (18), Андре (20), Жизель, Розамунда, Дельфина (всем по 17) — и с ними Марсель — сидят на скале и закусывают.
Рядом стоят корзинки с едой и прочие приметы пикника. В отдалении, на краю поля, — велосипеды.

Марсель. Нет, я другое предпочитаю.
Альбертина. Что именно?
Марсель. Да вот. Шоколадный торт.

Молчание. Все жуют.

Альбертина. Неужели вы вправду не любите сэндвичи?
Марсель. Не особенно.

Пауза.

Жизель. Что ты на это скажешь, Андре?

Андре улыбается.

154. Экстерьер. Опушка леса близ Бальбека. День.
Альбертина сидит с Марселем.

Альбертина. И что же вы делали целыми днями, до того как с нами познакомились? Так и таскались с утра до вечера по пляжу со всем этим старичьем? Неужели вы игр никаких не любите? А мы вот в гольф лупим без передыху. Вообще-то, кто в гольф играет — ну, кроме нас, — все дико скучные, дикие зануды. (*Пауза.*) А я ведь заметила, заметила, что вам хочется с нами познакомиться. Что мы вас заинтересовали. Хотя, на самом деле, кроме Андре... кроме Андре, остальные — ну, полные дуры. Да вы, наверно, и сами разобрались. Они еще дети просто.

155. Профиль Альбертины. Ее щека.

Альбертина. Но Андре — она, правда, умная. О! Еще какая умная.

156. Андре к ним выходит из лесу.
Альбертина вскакивает.

Альбертина. Ой, Господи! Который час? Нам же пора на чай к мадам Дарье!
Андре. Еще вагон времени.
Альбертина. Я побежала.
Андре. Я остаюсь. Хочу с ним поговорить.
Альбертина. Но ты опоздаешь.
Андре. Ерунда какая.
Альбертина. А-а, ну как хочешь. (*Марселю.*) Я тут вам записочку написала. (*Вынимает из сумочки конверт, протягивает ему.*) Ну, пока.

Альбертина идет к своему велосипеду, вскакивает на него и катит прочь.

157. Марсель и Андре.

Марсель. Ничего, если я его вскрою?
Андре. Вскройте, конечно.

Он разрывает конверт.

158. Крупный план. Письмо.
В письме всего одна строчка: "Вы мне нравитесь".

159. Марсель и Андре.
Он прячет письмо в конверт, сует в карман. Поднимает взгляд. Андре ему улыбается.

Андре. Она ведь, знаете, сирота.

160. Экстерьер. Бальбекская набережная. День.
Дряхлые старухи рядком сидят в шезлонгах.
Камера отыскивает Марселя и Альбертину. Они стоят в стороне, вдвоем.

Альбертина. А я завтра ночую у вас в гостинице. Уезжаю в Париж. Ночую в гостинице, чтоб на первый утренний поезд успеть. Можете в номер ко мне заглянуть, если хотите.

Марсель. Да. Я бы с радостью.

Альбертина. А я волосы уложила, как вам нравится. Вы ж говорили, вам так нравится, да?

161. Экстерьер. На скале. День.
Андре ему улыбается.

162. Интерьер. Отель. Номер Альбертины. Ночь.
Марсель прикрывает за собой дверь.
Альбертина лежит в постели. В белой ночной рубашке, сползающей с плеч.
Волосы разметались по подушке.
В окне за постелью висит над морем луна.

Альбертина. Я легла. Как-то меня чуть знобило.

Марсель на нее смотрит во все глаза.

Марсель. Вы замерзли?

Альбертина. Да нет же, вовсе я не замерзла. Мне очень даже тепло, спасибо. Сказано вам — чуть знобило меня, вот я и легла. (*Показывает рукой на стул.*) Садитесь.

Он медленно усаживается к ней на постель.

163. Альбертина лежит в постели.
Она смотрит на Марселя.
Он наклоняется, хочет ее поцеловать.

Альбертина. Перестаньте! А то я в звонок позвоню!

164. Его лицо.
Он замирает, секунду на нее смотрит, потом снова решительно наклоняется к ней. Но едва его губы касаются ее увертывающегося лица, он слышит резкий дребезг звонка.

165. Рука Альбертины жмет на звонок.

166. Живая изгородь из боярышника в Тансонвиле.
Жильберта смотрит на него сквозь боярышник.

167. Окно в Монжувене.

Мадемуазель Вентейль бежит к окну, чтоб закрыть ставни. В глубине комнаты, на диване — ее Подруга.

168. Промельк желтого экрана.
Музыка Вентейля.

169. Интерьер. Гостиная. Новая квартира в Париже, во флигеле дома герцога Германтского. День. Конец 1898.
Бабушка сидит под лампой, с книгой на коленях. Она читает, но невнимательно, то и дело отрывает взгляд от страницы, чуть трясет головой.
Оплывшая, старая, больная.
Вдруг она поворачивается, смотрит в камеру, улыбается через силу.

170. Интерьер. Гостиная. Новая квартира. Конец 1898. День. За несколько недель до предыдущего кадра.
В комнате кавардак, свойственный недавнему переезду.
Марсель стоит у окна, смотрит вниз, во двор. Ему девятнадцать лет.
Франсуаза с лакеем вешают на стену картину.

171. Глазами Марселя. Двор.
Проходит Жюпьен (49). Смотрит вверх, улыбается, приподнимает шляпу, идет к своей мастерской.

Франсуаза (*голос за кадром*). Единственный человек любезный, какого я покамест тут повстречала. Единственная личность приятная.

Марсель. А кто это?

Франсуаза (*за кадром*). Мсье Жюпьен. Портной. Там и лавка его.

172. Экстерьер. Двор. С точки зрения Марселя.
Жюпьен входит к себе в мастерскую.
Конюхи заводят лошадей в стойла.

173. Интерьер. В гостиной.
Мать подходит к окну, становится рядом с Марселем.

Мать. Странно, да? Помнишь, когда ты был маленький, как магически на тебя действовало само это слово — Германты? И вот ты живешь у них прямо под боком.

Пауза.

Марсель. Да, очень странно.

174. Интерьер. В церкви, в Комбре. 1893.
Герцогиня (35) оглядывается, улыбается.

175. Интерьер. Ложа в опере. 1898.

Герцогиня поднимает руку в перчатке, машет. Принцесса оборачивается, смотрит вниз.

176. Интерьер. Дом Германтов. Холл. День.
Герцогиня в холле, перед зеркалом, прилаживает шляпу, расправляет манжеты. У нее золотые волосы.
Она направляется к двери, выходит из дому. Слуги склоняются перед ней в поклоне.

177. Экстерьер. Дом Германтов. Садовые ворота.
Привратник отворяет ворота, кланяется, Герцогиня проходит мимо него.
Камера сопровождает герцогиню, вдоль улицы. Вдруг глаза ее замечают кого-то.
Герцогиня быстро кивает, не останавливается.
Камера находит Марселя, он стоит и смотрит герцогине вслед.

178. Экстерьер. На бульваре.
Вдоль бульвара идет Герцогиня.
Вдруг резко смотрит направо.

179. Ее глаза.

180. Под высоким платаном стоит Марсель.
Он кланяется, приподнимает шляпу.

181. Герцогиня проходит мимо.
Она бегло кивает. У нее сердитое лицо.

182. Экстерьер. Перед кондитерской.
Снаружи, в окно, видно, как Герцогиня выбирает пирожные. Продавщица принимается их запаковывать. Блуждающий взгляд Герцогини падает на окно. Она всматривается, резко отворачивается.

183. Интерьер. В театре. За сценой. Конец 1898.
Опущен занавес. Рабочие передвигают декорации. Антракт. На сцену входят Сен-Лу и Марсель.

Сен-Лу. Ну, что скажешь?
Марсель. Она умеет держаться на сцене.
Сен-Лу. О, да. Изумительно. И ведь она красивая, да?
Марсель. Очень.

Рабочие продолжают передвигать декорации.
На сцену входят трое журналистов. Один курит сигару.

Сен-Лу (*Марселю*). Сейчас она прибежит. Она умирает, хочет с тобой познакомиться.

Пауза.

Марсель. Пока мы ждем, я хотел бы кой-о чем тебя спросить.

Сен-Лу. Да-да?

Марсель. Твоя тетушка, герцогиня Германтская...

Сен-Лу. Да-да?

Марсель. Она, кажется, меня идиотом считает.

Сен-Лу. С чего ты взял?

Марсель. Так. Слух дошел... и всё.

Сен-Лу. Чушь. А ты с ней знаком?

Марсель. Нет.

Сен-Лу. Ну, так я тебя представлю.

Марсель. Когда же?

Сен-Лу. При первой возможности.

Сен-Лу нервно мерит шагами сцену.

Да где же она?

Несколько актеров и танцовщиков показываются в кулисах. К журналистам подходит кто-то, что-то у них спрашивает. Слышно, как один журналист отвечает.

Журналист. Мы ожидаем мсье Бюве.

Сен-Лу (*Марселю, рассеянно*). Как тебе пишется?

Марсель. Совсем я ничего не пишу.

Появляется Рашель.

Сен-Лу. Милая (*целует ее*). Ты была великолепна. А это Марсель. Марсель — Рашель.

Они пожимают друг другу руки.

Марсель. Мои поздравления.

Рашель. Вам понравилось?

Марсель. Очень.

Сен-Лу. Ты была великолепна.

Рашель. Ах, не смеши меня. И чего там может быть великолепного в такой вшивой рольке? В следующем сезоне — это да, у меня будут главные героини. Вот тогда и сможешь судить.

Говоря это, Рашель все стреляет взглядом по Танцовщику, упражняющемуся в глубине сцены.

Сен-Лу. На что это ты там смотришь?

Рашель. М-м-м-м-м?

Сен-Лу. И почему ты все смотришь на него?

Рашель. На кого?

Сен-лу. На плясуна этого несчастного.

Рашель. Все смотрю? Разве?

Рабочие, продолжая передвигать декорации, теснят Марселя, Сен-Лу и Рашель к группке журналистов, те с интересом прислушиваются к разговору.

А почему бы мне на него и не заглядеться? Заметь, как он дивно сложен. И какие руки.

Танцовщик — в костюме пажа Ватто, веки — тяжелые от белил, щеки в густых румянах. Услышав слова Рашели, он, очень изящно, воспроизводит те же движения рук.

Прелесть какая.

Сен-Лу. Если ты это не прекратишь, я немедленно уйду, поняла? (*Марселю.*) Нельзя тебе стоять в этом сигарном дыму. Разболеешься.

Рашель (*Сен-Лу*). Ах, ну и уходи, скатертью дорожка!

Сен-Лу. Если уйду, я уже не вернусь.

Рашель. Напугал.

Сен-Лу (*шепотом*). Я тебе это колье обещал, если помнишь...

Рашель. Подкупить меня вздумал? Да я не корыстная. Можешь сам носить свое колье.

Сен-Лу. Значит, ты хочешь, чтоб я ушел? Ты этого хочешь?

Рашель. Ну, разве он не прелесть! Какие руки!

Марсель кашляет.

Сен-Лу (*журналисту*). Не могли бы вы отложить свою сигару, мсье? Дым вреден для моего друга.

Рашель (*Танцовщику*). Они и с женщинами выделывают такое же, эти прелестные ручки? Это же девичьи ручки! Ох, как мило мы могли бы развлечься с тобой и одной моей подружкой.

184. Крупный план. Танцовщик.
Он улыбается.

185. На сцене.
Рашель медленно уходит за кулисы.

Журналист. Тут такой распорядок не заведен, что курить запрещается, насколько мне известно. А его, кстати, никто тут не заставляет стоять, верно?

Сен-Лу (*вежливо*). Вы, по-моему, не слишком учтивы, мсье.

Сен-Лу поднимает руку и отвешивает Журналисту звонкую затрещину. Журналист едва удерживается на ногах. Коллеги ничего этого не замечают. Один судорожно трет глаз, куда, очевидно, попала соринка, второй сосредоточенно вглядывается в часы у себя на запястье.

Второй журналист. Господи, вот-вот занавес поднимется. Мы на наши места не успеем.

Сен-Лу шагает со сцены прочь, Марсель идет за ним следом.

186. Быстрый кадр.
Изящно воздевающий руки танцовщик.

187. Экстерьер. Театр, служебный подъезд. Вечер.
Из служебного подъезда выходит Марсель.
Он видит: по улице идет Сен-Лу.
К Сен-Лу подходит какой-то мужчина, его останавливает. Мужчина что-то быстро-быстро говорит.
Вдруг Сен-Лу его ударяет по лицу, наотмашь, раз, еще раз, сбивает с ног. Поворачивается, видит Марселя, спешит к нему. И оба уходят — не туда, куда направлялся Сен-Лу, а в противоположную сторону.

Сен-Лу. Сволочь! Он сделал мне гнусное предложение! Можешь себе представить? Средь бела дня! Даже ночи дождаться не могут, подонки!

188. Интерьер. Квартира. День. (Все как в кадре 169.)
Бабушка сидит с книгой, под лампой.
Она поворачивается к камере, улыбается.

Бабушка. А, здравствуй, Марсель.

189. Экстерьер. Улица. День. 1899.
Марсель (19) медленно бредет к дому мадам де Вильпаризи.

190. Интерьер. В гостиной мадам де Вильпаризи. День. 1899.
Желтым шелком обтянутые стены, диваны, обитые гобеленами Бове[1]. Портреты, много портретов.
Мадам де Вильпаризи сидит за бюро. Она в чепце из черных кружев, в очках и переднике.
На бюро — кисти, палитра, неоконченная акварель, а по стаканам, чашкам блюдцам расставлены и разложены шиповник, астры, венерин волос.
Она занята своей акварелью. Кто-то стоит вокруг бюро и смотрит, в том числе и Марсель; другие беседуют, стоя группками там и сям в гостиной.
Дворецкий разносит чай и пирожные.

Мадам де Вильпаризи. Да, я помню месье Моле, очень хорошо помню. Важный был, как павлин. Так и вижу, как он в своем собственном доме нисходит к ужину со шляпой в руке.

1. Гобелены, выделанные на мануфактуре в городе Бове, основанной в XVII в., славились своим качеством.

Историк. Таков был обычай в те времена, мадам?

Мадам де Вильпаризи. Ничуть. Таков был обычай у мсье Моле, и только. В жизни я не видывала, чтобы мой отец ходил дома в шляпе, за исключением, разумеется, тех случаев, когда его посещал Король, ведь Король — везде и повсюду дома, и хозяин тогда, стало быть, — гость в собственной гостиной.

Лакей в дверях докладывает: "Герцогиня Германтская!"
Герцогиня (41) идет через гостиную к мадам де Вильпаризи.

Мадам де Вильпаризи. А, здравствуй, Ориана! (*К обступившей ее группке.*) Позвольте вам представить, господа, мою племянницу, герцогиню Германтскую.

Герцогиня — очень холодно, бегло кланяется — общий поклон.
Лакей в дверях докладывает: "Граф д'Аржанкур!"

191. Герцогиня Германтская.
Она сидит на диване, одна. На ней соломенная шляпка, украшенная васильками, шелковая юбка в синюю полосочку.
Острием зонтика она чертит круги по ковру.
Потом — быстрым, цепким взглядом — окидывает все диваны и всех, кто на них сидит.

192. Марсель.
Он стоит один и смотрит на нее.

193. В дверях гостиной.
В дверях — двое молодых людей. Оба высокие, стройные, золотоволосые. Лакей, тоже юный, докладывает: "Принц де Фуа!"
Принц проходит в гостиную.
Лакей и Второй молодой человек вдруг изумленно, в упор смотрят друг на друга.
Лакей таращит глаза. Молодой человек поскорей опускает веки.

Лакей (*тихонько*). Как докладывать?

Молодой человек (*тихонько*). Герцог де Шательро.

Лакей, оборотясь к гостиной, победно выкликает: "Его Королевское Высочество герцог де Шательро".

194. Герцогиня на диване.
Поцеловав ей руку, Принц и Герцог усаживаются по обе стороны от нее, а цилиндры ставят на пол у своих ног.
Историк смотрит на цилиндры.

Историк. Едва ли следует оставлять цилиндры на полу, господа. Ведь этак на них и наступить недолго.

195. Крупный план. Принц де Фуа.
Он мерит Историка острым, ледяным взглядом.

196. Историк.
Он краснеет, заикается, ретируется.

197. На диване.

Принц де Фуа (*Герцогине*). Это что еще за личность? Которая сейчас ко мне адресовалась?
Герцогиня. Ни малейшего понятия не имею.

Она поворачивается к Шательро, тот сидит, прикрыв глаза.

Вы безумно бледны, Шательро. Уж не больны ли?
Шательро (*не открывая глаз*). Да, у меня сенная лихорадка.

198. Мадам де Вильпаризи, водит кистью.
Дворецкий подает ей на подносе визитную карточку.

Мадам де Вильпаризи. Шведская Королева! О Боже! Я и не подозревала, что она знает о моем возвращении в Париж!

Лакей в дверях докладывает: "Ее Величество Королева Швеции!"
Входит Герцог Германтский. Он покатывается со смеху.
Все хохочут.
Герцог приближается к мадам де Вильпаризи, на ходу направо и налево отвечая на поклоны, пожимая руки.
Целует руку мадам де Вильпаризи.

Герцог. Я надеялся вас позабавить.
Мадам де Вильпаризи (*кисло*). Что за идиотская шутка.

Герцог хохочет.

Герцог. Я знал, что она вас развеселит.

Он видит Марселя.

А-а, соседушка! Очень рад!

Марсель кланяется.

Герцогиня. Королеву мы, кстати, видели вчера вечером, у Бланш Лорд. Она чудовищно растолстела.
Герцог. Ориана говорит, что она теперь вылитая лягушка.
Герцогиня. Лягушка "в интересном положении".

Хохот.

199. Марсель.
Лицо без улыбки.

200. Гостиная.
Лакей докладывает: "Барон де Шарлю!"
Камера выхватывает Шарлю из теперь уже сгустившейся толпы.

Марсель оборачивается, видит у себя за спиной маркиза де Норпуа.

Норпуа. Ну и как, пописываете что-нибудь?

Но тут кто-то еще здоровается с маркизом, и тот отвлекается, забыв о своем вопросе.
Мадам де Вильпаризи наклоняется к Герцогине.

Мадам де Вильпаризи. Тебе, по-моему, не мешает знать, что сегодня я жду к себе мадам Сван.

Герцогиня. О, правда? Ну, спасибо, что предупредили. (*Резко отворачивается и только теперь замечает Марселя.*) Здравствуйте. Как поживаете?

Марсель. Благодарю вас, мадам. Хорошо.

Лакей докладывает: "Принц фон Фаффенхайм-Мюнстербург-Вайниген".
Герцогиня разглядывает Марселя.

Герцогиня. Я иногда встречаю вас поутру. Это так полезно — утренняя прогулка.

Лакей докладывает: "Мадам Сван!"
Герцогиня смотрит на свои часики.

Боже правый, мне надо лететь.

Она встает и поспешно уходит.
Марсель пробирается по теперь уже очень людной гостиной, осторожно обходя длинные юбки дам, изловчаясь, чтоб не помять уставившие пол плотным строем цилиндры.
Вокруг жужжит беседа; слов не разобрать.
В его поле зрения попадает Шарлю, тот разговаривает с Одеттой, сидя с ней на диване.
Марсель поворачивается и видит: герцог де Шательро и граф де Фуа сидят рядом, прямые, вытянутые, и не говорят ни слова.

201. Интерьер. Комната Марселя. Комбре, 1888. Все — так же как в кадре 53.
Волшебный фонарь.
Проплывает по стенам и по потолку Женевьева Брабантская.

202. Интерьер. Гостиная мадам де Вильпаризи.
Марсель пробирается к кружку поклонников, наблюдающих за тем, как мадам де Вильпаризи дописывает свою акварель.
Кто-то хлопает его по плечу. Он оборачивается. Это Шарлю.

Шарлю. Вы, как я погляжу, стали вращаться в свете, так что уж не откажите и мне в любезности, навестите. Правда, это не так-то просто. Я, уж не обессудьте, редко бываю до-

ма. Вам придется письменно меня предуведомить. А сейчас я улетучиваюсь. Может, проводите меня немного?

Марсель. Конечно.

Шарлю. Подождите меня.

Шарлю поворачивается, уходит.
Мадам де Вильпаризи слышала его последние слова. Она знаком подзывает к себе Марселя и говорит тихонько.

Мадам де Вильпаризи. Вы с моим племянником уходить собрались?

Марсель. Да, он попросил его проводить немного.

Мадам де Вильпаризи. Не ждите вы его. Он уже за кого-то там языком зацепился. И думать забыл о том, что с вами условился. Уходите-ка вы, уходите поскорей, пока он не видит.

203. Интерьер. В доме мадам де Вильпаризи. На лестнице.
Марсель, один, спускается по ступеням.
Сверху раздается голос Шарлю.

Голос Шарлю. А-а, так-то вы меня ждете?

Марсель оборачивается. Шарлю сверху, в упор смотрит на него.

204. Экстерьер. Улица.
Из дому выходят Марсель и Шарлю.

Шарлю. Мы пройдемся немного, пока я извозчика не найду, соответствующего моим запросам.

Они идут по улице.

И что вас понесло, ей-богу, на это идиотское чаепитие? Пустейшая трата времени. Я, конечно, и сам там был, но для меня это не светское времяпрепровождение, а исключительно родственная повинность.

Шарлю пристально смотрит на проезжающего извозчика. Тот останавливается.
Шарлю от него отмахивается. Они продолжают путь пешком.

И что за бред несут газеты насчет этого Дрейфуса. Ну как можно ему предъявлять обвинение в измене отечеству? Он еврей, не француз. Единственное разумное обвинение, какое можно ему предъявить — это злоупотребление гостеприимством.

Шарлю останавливается, смотрит на другого проезжающего извозчика. Тот останавливается. Шарлю ему машет, чтоб ехал дальше. Марсель недоуменно смотрит на него.

Мне цвет его фонаря не понравился.

Они идут дальше.

Хочу задать вам простой вопрос. Стоите ли вы моих попечений, или не стоите?

Марсель. Я искренне вам признателен... за то, что вы... проявили ко мне интерес.

Шарлю стискивает ему плечо.

Шарлю. Ваши слова трогают меня.

Дальше они идут рука об руку.

Я, пожалуй, смогу быть вам полезен. Знаете, я, как правило, не люблю говорить о себе, но вы, возможно, и сами слышали, — это упоминалось в передовице "Таймс", которая наделала столько шуму, — что австрийский император, всегда удостаивавший меня своей дружбы, сказал на днях в одном интервью, что будь у Графа Шамборского советник, столь же безупречно разбирающийся во всей подноготной европейской политики, как ваш покорный слуга, он, граф Шамборский, был бы сейчас королем Франции[1].

Шарлю выразительно смотрит на Марселя, Марсель смотрит на Шарлю.

В самом деле, я ношу в себе бесценный запас тайных сведений, на собирание которых у меня ушло более тридцати лет. Возможно, через несколько месяцев я передам его какому-нибудь достойному юноше. Из всех страстей во мне теперь осталась одна — жажда искупить заблуждения моей жизни, одарив всем, что знаю, некую еще девственную душу. Но если таким молодым человеком станете вы, мне придется с вами видаться часто, очень часто, каждый день.

Шарлю останавливается, заглядывает в глаза Марселю, все еще стискивая ему плечо.
Потом — вдруг — расслабляет хватку и шагает вперед, один.
Марсель его нагоняет.
Мимо проезжает извозчик.
В экипаже сидит граф д'Аржанкур и на них смотрит.
Шарлю продолжает говорить — так, будто бы в его речи и не было паузы.

1. Граф д'Артуа, герцог Бордо, более известный как граф Шамборский (1820–1883) — последний потомок линии французских Бурбонов, претендовал на французский престол в 1831 г.

До поры до времени вам лучше избегать общества. Сборища, подобные тому, с которого мы только что удрали, испортят ваш ум и характер. И будьте чрезвычайно осмотрительны при выборе друзей. Можете держать любовниц, если уж вам так надо, меня это не касается (*стискивает его плечо*), юный вы негодяй, но выбор друзей — дело несравненно более ответственное. Мой племянник Сен-Лу вполне вам подходит. Он, по крайней мере, мужчина, не то что изнеженные ничтожества, которых нынче столько развелось, шлюшки, столь небрежно доводящие невинную жертву до виселицы.

Приближается экипаж, вихляясь из стороны в сторону. Молодой извозчик правит лошадьми, не сидя на козлах, а томно раскинувшись на подушках внутри.
Шарлю его останавливает.

Извозчик (*пьяным голосом*). Вам в какую сторону?
Шарлю. В вашу.
Извозчик. Так наше-то дело свободное. Куда прикажете.
Шарлю. Верх поднимите.

Извозчик, пошатываясь, неверными руками тщится поднять верх.

Шарлю (*Марселю*). Даю вам несколько дней на обдумывание моего предложения. Отнеситесь к нему со всей серьезностью. (*Быстро кивает, делает шаг к экипажу. Помогает извозчику поднять верх, влезает к нему, берет в руки поводья.*) Править буду я.

Лошади трусят прочь.

205. Интерьер. Комната Бабушки. В квартире Марселя. День. 1899.
Мать помогает Бабушке надеть тальму.

Мать. Тебе полезно будет пройтись.
Бабушка. Да.
Мать. Вот и доктор сказал, что тебе будет полезно. Погода чудесная.
Бабушка. Да. Да, хорошая погода.

Дверь отворяется. Входит Марсель.

Марсель. Ох, ну что же ты. Я жду тебя, жду.
Бабушка. Да-да, я иду. Хорошая погода.
Марсель. Пока ты будешь копаться, польет, как из ведра.
Мать. Нет-нет, ничего не польет. (*Бабушке.*) Тебе будет полезно. Подышишь свежим воздухом.

206. Экстерьер. Проспект Габриэля. День.
Останавливается извозчик. Выходят Бабушка и Марсель, Они медленно бредут среди деревьев.

Марсель. Неплохая погодка, правда?

Бабушка, не отвечает, она вдруг резко сворачивает и спешит к общественному писсуару; это павильончик, прячущийся за шпалерами, увитыми плющом.
Служительница, известная в округе под именем Маркиза, сидит на табурете у входа и беседует с парковым сторожем. Она встает и уводит Бабушку внутрь.
Марсель всходит по ступенькам и стоит, дожидаясь Бабушку.
Маркиза возвращается и вновь усаживается на свой табурет.

Маркиза. Да, так на чем я становилась?
Сторож. На судье.
Маркиза. А-а, ну да. Ну, значит, зарядил он сюда, последние восемь лет каждый божий день является, как штык, бывало, только три часа пробьет. Всегда такой из себя исключительно воспитанный господин. Пробудет с полчасика, газетки свои почитает, и уходит удоволенный. Такая для него тихая пристань, значит, мое заведение, мой кусочек Парижа. А в один прекрасный день — нет его и нет. Ну, думаю, отдал Богу душу. Но на другой день является, ровнехонько в три. "Надеюсь, с вами вчера ничего такого не приключилось?" — спрашиваю. А он и отвечает — нет, с ним, мол, ничего не приключилось, это да, а просто жена у него скончалась. Я ему и говорю: "Да вы ходи́те сюда, ходйте, как раньше, все ж таки будет для вас отвлечение в вашем горе". (*Пауза.*) Я клиентов отбираю. Разного-всякого в свой уголок не допущу. (*Поворачивается к Марселю.*) Желаете, и для вас открою кабинку?
Марсель. Нет, не надо, благодарю вас.
Маркиза. Гостем будете, прошу покорно. Хотя, конечно, бесплатно ли, не бесплатно, а в таком деле — раз не надо, стало быть, не надо.

Бабушка выходит, очень медленно. Дает какие-то деньги Маркизе.

Маркиза. Спасибочки, мадам. Счастливо вам прогуляться.

207. Экстерьер. Проспект Габриэля.
Марсель и Бабушка бредут очень медленно.

Бабушка. Я слышала все, что она говорила. Вылитые Германты, типичные Вердюрены. В точности то же самое.

Эти слова Бабушка произнесла с огромным усилием, морщась, стуча зубами. Шляпа у нее съехала набекрень, выпачкана тальма. У Бабушки совершенно потерянный, какой-то ошеломленный вид.

Марсель внимательно в нее вглядывается. Он говорит весело.

Марсель. Пожалуй, становится свежо. Предлагаю отправиться домой.

Бабушка. Да.

Марсель. Только найти извозчика, и мы мигом будем дома.

Бабушка. Да.

Она пытается улыбнуться, вцепляется в его руку.
Он ее подводит к скамейке.

Марсель. Вот, посиди. А я за извозчиком.

Бабушка. Да.

Она садится и, продолжая за него держаться, снизу-вверх заглядывает ему в лицо. Он осторожно высвобождает руку.

Марсель. Я сбегаю за извозчиком.

Бабушка. Да.

208. Интерьер. Квартира. Комната Марселя. Ночь.
Он лежит в постели.
Дверь отворяется. Входит Мать. Она подходит к постели, смотрит вниз, на Марселя. На ней лица нет.

Мать. Прости... я тебя разбудила.

Он смотрит вверх, на нее.

Марсель. Я не спал.

Он вскакивает с постели.

209. Интерьер. Комната Бабушки. Ночь.
В комнате — доктор Котар, Франсуаза, Отец Марселя.
Входят Марсель с Матерью.
Бабушку в постели сотрясают конвульсии.
Ей суют кислородные подушки.
Тяжко ходит ходуном одеяло. Бабушка шарит по одеялу бессильными руками, пытается его сбросить. Волосы у нее всклокочены.
Вдруг из груди у нее вырывается мучительный стон, она пытается сесть. Глаза закрыты, но одно веко не опускается до конца.
Она пытается сесть.
Влажно, мутно сквозит из-под приспущенного века левый глаз.
Она стонет.
И вдруг, сразу, стихает.
Оба глаза открыты и смотрят — ясно и умно.

210. Интерьер. Комната Марселя. Письменный стол. 1900.

Руки вскрывают два конверта.
В первом — приглашение на обед к герцогине Германтской.
Во втором — записка от Шарлю: он приглашает Марселя — тоже сегодня вечером, в одиннадцать часов, к себе.

211. Экстерьер. Во дворе. Вечер.
Марсель идет через двор к ярко озаренному дому Германтов.
Въезжают, въезжают во двор кареты.

212. Интерьер. В гостиной Германтов. 1900. (Без звука.)
Герцог представляет Марселя группе дам. К оголенным грудям приколоты — то веточка мимозы, то роза или орхидея. Видно, как дамы отвечают Марселю — игриво, жеманно, зазывно.

213. Интерьер. В столовой Германтов. (Без звука.)
Обед.
Камера по очереди выхватывает отдельные лица.
Герцог с легкой улыбкой смотрит на юную особу. Та явно чувствует на себе его взгляд.
Герцогиня бросает сухую реплику — без улыбки. Все хохочут.
Герцог, обиженно глянув на жену, жестом показывает официанту, что пора вносить новое блюдо.
Марсель с обеих сторон зажат вздымающимися бюстами.

214. Экстерьер. В саду Германтов. Сумерки. (Без звука.)
Гости потягивают апельсиновый сок, ликеры, кто сидит, кто прохаживается по саду.
Играют музыканты.
Герцог беседует все с той же юной особой.
Марсель сидит на скамейке, один. Герцогиня подходит, усаживается с ним рядом. На ней очень пышное платье. Он вскакивает, высвобождая для нее место, снова садится — на самый-самый краешек скамьи, — чуть не плюхается в траву.

215. Интерьер. В доме барона де Шарлю. Спальня барона. Ночь.
Шарлю в распахнутом на груди китайском кимоно лежит на диване.
Лакей вводит в комнату Марселя и удаляется.
На раскинувшемся поперек кресла плаще шелковисто мерцает цилиндр.
Шарлю пристально, молча, смотрит на Марселя.

Марсель. Добрый вечер.

Ответа нет. Взор неумолим.

Можно, я сяду.

Молчанье.

Шарлю. Можете сесть вот в это кресло Людовика Четырнадцатого.

Марсель, как подкошеный, падает в кресло стиля Директории, стоящее рядом.

Ага! Так это, по-вашему, — стиль Людовика Четырнадцатого! Сразу видно тонко образованного человека! В один прекрасный день вы примете колени мадам де Вильпаризи за толчок в сортире, и страшно даже подумать, как их употребите. (*Пауза.*) Это собеседование, мсье, которого я вас удостоил, призвано обозначить собой конец наших отношений. (*Протягивает руку вдоль диванной спинки.*) Поскольку я был всё, а вы ничто, поскольку я, если вы мне позволите изъясняться без обиняков, личность редкая, а вы, в сравнении со мной, микроб, ничего нет удивительного, что именно я сделал к вам первый шаг. Вы ответили по-идиотски на то, что, уж не мне говорить, было проявлением величия. Короче говоря, вы меня оболгали. Вы опустились до грязных инсинуаций. А потому, эти слова — последние, какими мы обмениваемся в этом мире.

Пауза.

Марсель. Никогда, мсье. Никогда я ни с кем о вас не говорил.

Шарлю. Вы оставили без ответа предложение, какое я сделал вам здесь, в Париже. Идея вас не увлекла. Ну что же, на нет и суда нет, и тут мы ставим точку. Но вы даже не дали себе труда мне написать, что свидетельствует об отсутствии не только воспитания, хороших манер и вкуса, но даже и банального здравого смысла. Вместо этого, презренный человек, вы болтаете обо мне унизительную чушь — направо и налево.

Марсель. Нет, мсье, клянусь вам, я никому ничего не говорил такого, что могло бы вас оскорбить.

Шарлю (*с яростью*). Оскорбить? Да кто вам сказал, что я оскорблен? И вы полагаете, что в вашей власти меня оскорбить? Вы, по-видимому, не вполне понимаете, кто сейчас перед вами? Или вы не в шутку вообразили, что даже и пятьсот господчиков вроде вас, все вместе, объединясь, могут обгадить отравленной своей слюной хотя бы носки моих августейших ботинок?

Марсель смотрит на него во все глаза, вскакивает, хватает цилиндр барона, швыряет об пол, топчет, поднимает, выдирает тулью, рвет надвое.

Что это вы тут такое творите? Спятили?

Марсель кидается к двери, ее распахивает.
За дверью стоят двое лакеев. Они неспешно отстраняются.
Марсель быстро идет мимо них, Шарлю бросается ему наперерез, преграждает путь.

Ну, ну что за ребячество. Вернитесь-ка на минутку. Тот, кто сильно любит, тот сильно и наказывает[1]. Я сильно наказал вас потому, что сильно люблю.

Тянет Марселя обратно в комнату.

Шарлю (*лакею*). Уберите эту шляпу и принесите мне другую.

Шарлю и Марсель стоят, лакей подбирает с пола останки цилиндра.

Марсель. Я желал бы знать имя вашего доносчика, мсье.
Шарлю. Я обещал моему доносчику хранить его имя в тайне. И не намерен свое обещание нарушать.
Марсель. Но вы оскорбляете меня, мсье. Я вам уже поклялся, что ничего подобного я не говорил.
Шарлю (*грозно*). Так я лгу, по-вашему!
Марсель. Вас ввели в заблуждение.
Шарлю. Очень возможно. Вообще говоря, слова в пересказе, из третьих уст, редко оказываются верны. Но — верные ли, перевранные — они свое дело сделали.

Пауза.

Марсель. Мне лучше уйти.
Шарлю. Согласен. Или если вы уж слишком устали, у меня в доме полно кроватей.
Марсель. Благодарю вас. Я не слишком устал.
Шарлю. Правда, мои нежные чувства к вам угасли, умерли. Их уж ничто не воскресит. Как говорит Вооз у Виктора Гюго, "Но вот я одинок, мой вечер подошел, и, старец, я дрожу, как зимняя береза"[2].

216. Интерьер. В доме у Шарлю. Гостиная.
Шарлю и Марсель проходят зеленой гостиной.
Откуда-то, с другого этажа, слышна музыка. Романс Бетховена.
Шарлю показывает на два портрета.

Шарлю. Мои дядья. Король Польши и Король Англии.

217. Экстерьер. Улица. Перед домом Шарлю. Подъезд.

1. Неточная цитата из Евангелия. Ср. Откровение Святого Иоанна. 3:19 — "Кого Я люблю, того обличаю и наказываю".
2. Виктор Гюго. Спящий Вооз. Перевод Н. Рыковой.

Карета подана. Шарлю и Марсель оба, запрокинув головы, смотрят в ночное небо.

Шарлю. Луна-то, луна — роскошь. Вот я и думаю, не махнуть ли в Булонский лес.

Марсель ничего на это не отвечает.

Приятно было бы побродить по парку под этакой лунищей с кем-нибудь, вроде вас. Ведь вы прелестны, да, правда, вы совершенно прелестны. Хотя, должен признаться, когда я впервые вас увидел, вы показались мне полной заурядностью.

Подсаживает Марселя в свою карету. Марсель садится.

И запомните. Нежные чувства драгоценны. Ими не разбрасываются. Спасибо, что пришли. Спокойной ночи.

218. Шарлю у подъезда. Ночь.
Его лицо. Невозмутимое лицо.
Шелест удаляющейся кареты.

219. Экстерьер. Двор Германтов. День.
Шарлю, в темном костюме, что-то разглядывает со странно разнеженным лицом.

220. Интерьер. Окно в квартире Марселя. День.
Ставни приоткрыты.
Через пробел в ставнях видно, как Шарлю смотрит на Жюпьена, только что вышедшего из своей мастерской.
Жюпьен чувствует на себе взгляд Шарлю и тоже на него смотрит.
Шарлю отворачивается, небрежно озирает двор, но то и дело постреливает взглядом в Жюпьена. Пронизывающим взглядом.
Жюпьен приосанивается, подбоченивается, пятит зад, склоняет набок голову.
Шарлю в развалочку к нему подходит. Мгновение они стоят вплоть друг против друга, стоят и молчат.

Шарлю. Огонька не найдется?
Жюпьен. Отчего же.
Шарлю. Я, правда, как на беду, и сигары дома забыл.
Жюпьен. Так заходите. У меня есть сигары.

Оба входят в мастерскую. Захлопывается дверь.

221. Экстерьер. Пустой двор.
Марсель выходит из дому.
Обходит двор, держась забора, по-видимому, весь погруженный в свои думы.
Дойдя до лавки, соседствующей с заведением Жюпьена, он вдруг толкает дверь, входит.

222. Интерьер. Пустое помещение лавки.
Марсель, затаясь в полутьме, стоит подле перегородки, по другую сторону которой — мастерская Жюпьена.
Из-за перегородки слышна страстная невнятица голосов.
Стоны. И вдруг — тишина.
Урчит вода.
Голоса.

Жюпьен. Ах, да что вы, что вы, какие деньги. Я со всем моим удовольствием.

Урчит вода.

И зачем только вы подбородок выбриваете? Изящная бородка так украшает мужчину.

Шарлю. Мерзопакость — эта ваша изящная бородка. Послушайте. Вы ничего не знаете про малого, который на углу каштанами торгует, не тот, что справа, это пугало, а второй, дюжий, смуглый такой?

Жюпьен. У вас нет сердца.

Скрип мебели, стон Жюпьена, и — тишина.

Жюпьен (*задыхаясь*). Нехороший. Злой. Большой ребенок.

Марсель влезает на стремянку и заглядывает через вентиляционное оконце в соседнюю комнату.
Шарлю отходит от Жюпьена. Садится, закуривает сигару.

Шарлю. У вас, случаем, нет кондуктора знакомого? Мне часто требуется разрядка на пути домой. Мне, понимаете ли, то и дело выпадает на долю, подобно тому калифу, что бродил по багдадским улицам в обличье простого купца[1], да, приходится, понимаете ли, снисходить до преследования какого-нибудь забавного человечишки потому только, что вдруг приглянулся его профиль. Он в трамвай. И я за ним. Он в поезд. Я туда же. И чаще всего я оказываюсь у черта на рогах, в одиннадцать ночи, не солоно хлебавши. Вот мне и не помешал бы знакомый кондуктор, или проводник в спальном вагоне, чтоб скоротать обратный путь. (*Вглядывается в Жюпьена.*) Вы могли бы стать моим доверенным лицом! Да! Блестящая мысль! Вы могли бы мне оказать неоценимую услугу.

Жюпьен. Вы думаете?

Шарлю. Даже не сомневаюсь. Вы человек тонкий, проницательный. Сразу видно по вашему лицу.

1. Имеется в виду благородный Гарун аль Рашид, правитель Багдада, герой цикла арабских сказок "Тысяча и одна ночь", который инкогнито бродил по багдадским улицам, вызнавая нужды и настроения своего народа.

Жюпьен. Ах, как приятно от вас это слышать!

223. Интерьер. Спальня Марселя. Париж. Сумерки. 1900. Марсель (20) лежит в постели, Альбертина (20) сидит подле него в кресле.

Альбертина. И вы здоровый?

Марсель. Совершенно. Просто приступы бывают — время от времени.

Альбертина. Но вам же обязательно надо вот так отдыхать?

Марсель. Да.

Альбертина. Бедненький. (*Смотрит на часики.*) Мне скоро уходить.

Марсель. Но вы же только что пришли.

Альбертина. Да, но мне нельзя опаздывать.

Марсель. А куда вы идете?

Альбертина. Так, к знакомым одним. (*Пауза.*) А мне у вас тут нравится. Уютненько. (*Смотрит на него.*) По-моему, вам бы усики очень даже пошли.

Марсель. Предпочитаю быть гладко выбритым.

Альбертина. Усики такие красивые иногда встречаются. (*Пауза.*) Бальбек вспоминаете иногда, море?

Марсель. Бывает. (*Пауза.*) При нашей последней встрече — в постели лежали вы, а я сидел на постели.

Альбертина. А ведь точно.

Марсель. И, по-моему, вам теперь надо пересесть ко мне на постель, для достижения полной симметрии.

Альбертина. Для полной — чего?

Марсель (*похлопав ладонью по постели*). Сюда садитесь.

Альбертина (*пересаживается не спеша*). Сюда?

Марсель. Вот теперь я могу вас как следует разглядеть.

Альбертина. А то вы раньше меня не видели.

Марсель. Теперь я лучше вижу ваши глаза. (*Пауза.*) Но вам было бы удобней, если бы вы прилегли.

Альбертина. Вы думаете?

Марсель. А вы попробуйте.

Альбертина. Но мне же скоро уходить, понимаете.

Она ложится, ничком, рядом с ним, налегая на него плечом.
Слышно, как скрипит, отворяясь, дверь.
Альбертина соскакивает с постели, кидается в кресло.
Входит Франсуаза, вносит лампу. Она застывает на пороге.

Марсель. Лампа? Уже? Не рановато ли?

Франсуаза. Хотите что ли, чтоб я ее обратно унесла?

Альбертина хихикает.

Марсель. Нет. Оставьте тут.

Франсуаза ставит лампу и уходит.
Альбертина неспешно встает, садится на постель, потом вытягивается подле Марселя.

Марсель. Едва ли я поборю искушение вас поцеловать.
Альбертина. Ну, так и зачем зря пыжиться.

Он привлекает ее к себе.

224. Экстерьер. Пляж. Бальбек. День. 1898.
Альбертина на фоне неба и моря.Она хохочет.

225. Интерьер. Спальня Марселя. Сумерки. 1900.
Марсель привлекает к себе Альбертину.
Ее щека, нежная, зардевшаяся, — у самых его глаз — уже не кажется такой гладкой.
Их губы встречаются. Темнота.
После долгого поцелуя он шепчет.

Марсель. А в Бальбеке — тогда — почему вы мне не позволили вас поцеловать?
Альбертина (*шепчет*). Ну, я же вас не знала как следует.

226. Марсель с Альбертиной целуются.
Она склоняется над ним, на него ложится.
Камера показывает только их головы.
Вдруг он крепко ее стискивает. Они замирают оба.

227. Постель под другим углом зрения.
Они лежат вместе.
Лицо Альбертины — размаянное, кроткое, отрешенное.

Марсель. Вам пора?
Альбертина. Нет-нет, еще куча времени. (*Разглядывает его.*) Какие волосы у вас. И глаза. Вы такой милый.

228. Интерьер. В доме Германтов. Бельэтаж. День. 1900.
Герцог Германтский стоит у двери в библиотеку.

Герцог. О, Марсель! Как мило, что вы заглянули.

Пожимают друг другу руки.

Ориана сию минуту будет.

Входят в библиотеку.

229. Интерьер. Библиотека. День.

Герцог. Она переодевается. Мы обедаем у мадам де Сен-Эверт, потом отправляемся на грандиозный вечер у моего кузена, принца Германтского. А потом, уже ближе к полуночи, нам придется тащиться домой и опять пере-

одеваться для очень важного бала-маскарада у маркизы д'Арпажон. Мне — Людовиком Одиннадцатым, Ориане — Изабеллой Баварской. Вы знакомы с этим молодым человеком, Шарль?

Марсель оборачивается и видит Свана в дальнем углу библиотеки.
Сван к нему подходит. Ему пятьдесят два года. У него изможденное лицо.
Сван с сомнением смотрит на Марселя. Они пожимают друг другу руки.

Сван. Здравствуйте.

Марсель. Я поражен тем, что вы меня помните, мсье.

Сван. Конечно, помню. Конечно, помню. Как ваши все? Здоровы, благополучны?

Марсель. Да, да, спасибо.

Сван в светло-сером сюртуке, в белых перчатках с черными прошвами, в руках у него серая шляпа с очень широкими полями, отделанными по исподу зеленой кожей.

Герцог. Вот вы, Шарль, знаток. Мне нужно ваше мнение. (*Подводит их обоих к картине.*) Ну, что скажете? Сменял недавно на парочку Моне. Не исключено, что Вермеер, по-моему. А ваше какое мнение?

Сван. Трудно сказать.

Герцог. Да ладно вам, всем известно, какой вы в этом деле дока. Вы аж книгу пишете про Вермеера, верно?

Сван. Ну, не то чтобы книгу... скорей это статья, об одной-единственной картине.

Марсель. "Вид Дельфта"?

Сван. Да.

Марсель. Про этот отрезок желтой стены[1].

Сван. Да.

Герцог. Отрезок? Что еще за отрезок?

Только теперь Сван вдруг узнает Марселя.
Марсель оборачивается к герцогу.

Марсель (*герцогу*). По-моему, это самая замечательная картина на свете.

Герцог. Ну, наверно, я ее видел. Однако же, Шарль (*указывает на картину на стене*), что вы скажете вот об этом?

1. Искусствоведам не удалось уточнить, о каком именно отрезке желтой стены идет речь в романе Пруста. Тем не менее он играет важную роль лейтмотива, как и соната Вентейля. В "Пленнице" есть эпизод: Бергот (вымышленный великий писатель, не попавший в сценарий) умирает в музее от невыносимого волнения, налюбовавшись этим отрезком желтой стены.

Сван. Что это недобрая шутка.
Герцог. О? Да ну?

Входит Герцогиня. На ней платье из красного атласа, по подолу расшитое стеклярусом, страусово перо в волосах.

Герцогиня. Шарль! Марсель! Как дивно! Такая жалость, что нам надо уходить. Званые обеды — тоска смертная. Нет, правда, иной раз буквально кажется, что лучше умереть. Хотя умирать — возможно, еще бóльшая тоска, кто знает? (*Смотрит на шляпу Свана.*) Как это мило — шляпа, отделанная зеленой кожей! Но у вас, Шарль, все всегда прелестно, что бы вы ни надели, что бы ни сказали, все, что вы читаете, все, что вы делаете. Да, кстати. Мы с Базеном подумываем, не махнуть ли нам в Италию, или на Сицилию, на всю следующую весну. Не присоединитесь? Это бы так скрасило нашу жизнь. Я уж не говорю об удовольствии вас видеть, но вы же кучу разных вещей нам разобъясните. И не спорьте. Вы знаете все.
Сван. Боюсь, у меня не получится.
Герцог. Какая жалость.
Герцогиня. А любопытно все же, каким манером вам удалось предугадать на десять месяцев вперед, что у вас что-то там не получится.
Сван. Я не совсем здоров.
Герцогиня. Да, вы что-то бледный, правда. Но я же не на той неделе вас приглашаю, а чуть ли не через год!

Входит лакей.

Лакей. Карета подана, Ваша Светлость.
Герцог. Идемте, идемте, Ориана. Мы опаздываем.

230. Интерьер. В доме Германтов. Лестница.
Все спускаются по ступеням.

Герцогиня. Но все-таки — в двух словах объясните мне, Шарль, почему это вы не сможете поехать с нами в Италию.
Сван (*мягко*). Потому что к той весне меня уже давно не будет в живых. Доктора говорят, что мне всего три-четыре месяца осталось.

Лакей отворяет дверь. Герцогиня замирает на ступенях.

Герцогиня. Да что вы?

231. Экстерьер. Двор Германтов. Карета.
Герцогиня, Сван и Марсель на крыльце.
Герцог возле кареты.

Герцогиня. Вы шутите.

Сван. Да уж, в прелестном вкусе была бы шуточка. Простите... Но раз уж вы сами спросили... Но вы опаздываете, не хочу вас задерживать.

Герцогиня. Подумаешь, ну и опоздаем.

Герцог. Ориана, вы не хуже меня знаете, что мадам де Сен-Эверт требует, чтобы за стол садились ровно в восемь. Простите, Шарль, но сейчас уже без десяти восемь, а Ориана славится своими опозданиями.

Герцогиня (*Свану*). Я просто не могу поверить. Нам нужно спокойно обо всем поговорить. Приходите завтракать, ну, когда хотите, в любой день. И мы все обсудим. (*Ставит ногу на ступеньку кареты.*)

Герцог. Ориана, да вы что? Господь с вами! Вы в черных туфлях! С красным платьем! Идите скорей наверх и наденьте красные, ради всего святого!

Герцогиня. Но Базен, вы же сами говорите, что мы опаздываем.

Герцог. Опаздываем — не опаздываем, какая разница? Мы, кстати, и не опаздываем. А главное — ну, невозможно являться к мадам де Сен-Эверт в красном платье и черных туфлях.

Герцогиня уходит в дом.

Герцог (*Свану и Марселю*). Черные туфли с красным платьем!

Сван. А по мне, так вовсе недурное сочетание.

Герцог. Не стану с вами спорить, но явно предпочтительней, чтоб туфли были к платью в тон, это глубочайшее мое убеждение. Я умираю с голоду. Завтракал кошмарно. Ну а вы, Шарль, не верьте вы ни единому слову из того, что они вам наболтают, эти ваши доктора. Вы еще всех нас похороните.

232. Марсель смотрит на Свана.

233. Сван бросает беглый взгляд на Марселя.

234. Интерьер. Бальный зал. Казино в Бальбеке. 1901. (Беззвучный кадр.)
Альбертина и Андре танцуют вдвоем.

235. Интерьер. Вестибюль "Гранд-отеля". Бальбек. 1901.
Марсель (21) вместе с лифтером ждет лифта.
Голос Альбертины за кадром.

Альбертина (*нежно*). О, это рай, рай.

236. Интерьер. Номер Марселя. Отель в Бальбеке. День. 1901.
Дверь затворяется. Марсель — один.
Он наклоняется, чтобы расшнуровать ботинки.
И вдруг застывает, не разгибаясь.

237. Крупный план. Марсель.
Лицо, полное печали.
И звуковым сопровожденьем — тихий стук в стену, три раза.

238. Интерьер. Номер Марселя. На другую ночь.
Марсель, в халате, сидит неподвижно в кресле у окна.
Над морем ширится полоса рассвета.
Простыни измяты.
Он сидит неподвижно.
Слышится осторожный стук в дверь.
Он вскидывает взгляд.
Дверь отворяется. Входит Мать.
Седеющие волосы растрепаны.
Она в бабушкином халате, и в первый миг — неотличима от нее.
Марсель смотрит на нее — оторопело.

Мать. Ты что на меня так смотришь? (*Ласково.*) А-а. Да. Совсем я на нашу бабушку стала похожа. (*Подходит к нему.*) Ты в кресле — почему? Что с тобой? Что-то случилось?

Она обнимает его. Он плачет.

239. Интерьер. Номер Марселя. Утро. Дверь.
Дверь отворяется. Франсуаза.

Франсуаза. Там мадмуазель Альбертина вас спрашивает.

240. Интерьер. Номер отеля.
Марсель у окна, смотрит наружу.
Фотография Бабушки, забранная в рамку и стоящая на шкафчике, входит в кадр.
Марсель оборачивается.

Франсуаза. К вам — мадмуазель Альбертина.
Марсель. Скажите ей, что я не смогу ее принять.

Франсуаза уходит.
Марсель долго смотрит на фотографию.

241. Интерьер. Номер отеля. День.
Альбертина и Марсель сидят вдвоем.

Альбертина. Ну а хотите, мы каждый день будем с вами встречаться?
Марсель. Нет. Я не могу. Мне... не очень хорошо. Но мы будем видеться... время от времени.

Альбертина. Я, когда только захотите, к вам приду. И останусь, сколько захотите.

242. Интерьер. Номер Марселя. На другой день.
Альбертина, уже в другом платье, лежит на постели в объятиях Марселя.
Вдруг она смотрит на свои часики, вскакивает, бежит к зеркалу, расчесывает волосы.

Альбертина. Мне надо бежать.
Марсель. Как? Почему?
Альбертина. Да так, надо быть в пять часов в одном месте.
Марсель. Где?
Альбертина. Тетину подругу надо навестить. В Энфревиле.
Марсель. Но когда пришли, вы мне ничего не сказали.
Альбертина. Ну, огорчать вас не хотела. К ней можно каждый день с пяти часов. Я не могу опаздывать.
Марсель. Но если она принимает каждый день, почему вам уж так необходимо к ней идти именно сегодня?
Альбертина. Она меня ждет. И я тетушке пообещала.
Марсель. Но какая разница — сегодня, завтра?
Альбертина. Ну... вообще-то я уговорилась там встретиться с подружками. Чтоб не так скучно было.
Марсель. А-а. И вы, значит, готовы мне предпочесть эту скучную даму и ваших подружек?
Альбертина. Я обещала девочек подбросить. А то им обратно придется пешком тащиться.
Марсель. Но поезда из Энфревиля ходят до десяти вечера.
Альбертина. Так-то оно так, да вдруг она их ужинать усадит.

Пауза.

Марсель. Ну хорошо. Послушайте. По-моему, мне не мешает глотнуть свежего воздуха. Я еду с вами, просто прогулки ради. В дом я не войду. Только доведу вас до дверей.

Альбертина во все глаза смотрит на него и молчит.

Марсель. Нет, правда, мне подышать хочется.
Альбертина. А тогда — пошли лучше в другую сторону. Там красивее.
Марсель. В другую сторону? Но вы же тетушкину подругу обещали навестить?
Альбертина. А-а, да ну ее, неохота.
Марсель. Ну, что за глупости. Вы обещали. Она вас ждет.
Альбертина. Да она и не заметит, есть я, нет меня. Завтра могу пойти, на той неделе, еще через неделю, ей без разницы.

Марсель. А ваши подружки?

Альбертина. А что им? И пешком дойдут, только полезно будет.

Он пристально ее разглядывает.

Марсель. Я с вами не поеду.

Альбертина. А это еще почему?

Марсель. Вы не хотите, чтобы я с вами ехал.

Альбертина. Да вы что?

Марсель. Потому что вы лгунья.

Альбертина. Ну вот! Ой, ну надо же! Я все свои планы перекраиваю, только чтоб провести с ним весь долгий, чудный вечер наедине, и — на тебе, здрасте, в ответ такое оскорбленье! Жестокий. Я не желаю вас больше видеть. Никогда.

Марсель. Может, оно бы и к лучшему.

Альбертина смотрит на свои часики.

Альбертина. А раз так, я лучше тетину подругу навещу. (*И — упархивает за дверь.*)

243. Экстерьер. Парижская улица. Ночь. 1888.
На переднем фоне Сван, он смотрит на дом Одетты, немой, темный дом.

244. Экстерьер. Бальбекский пляж. Ночь. 1901.
Все залито золотым лунным светом. Камера скользит по дюнам. В песчаной изложине — два тела, сплетенные, сведенные лаской.

Голос Альбертины. О, моя радость, моя радость.

245. Экстерьер. Набережная. Бальбек. День. 1901.
Марсель идет в сторону казино.
Его окликает доктор Котар.

Котар. Здравствуйте!

Марсель останавливается.

Припоминаете меня? Доктор Котар. Пользовал вашу Бабушку. Безрезультатно, должен, увы, признаться. Ну вот, ну вот.

Марсель (*пожимая ему руку*). Да-да, ну, как же.

Котар. Я вот направляю свои стопы к Вердюренам. Они здесь на лето сняли дом. В Ля Распельер. А почему бы и вам ко мне не присоединиться? Они будут в восторге.

Марсель. Но я тут должен встретиться кое с кем в казино.

Котар. А-а. Ну, тогда и я с вами — заскочу ненадолго, если не имеете возражений. Поезд у меня только в шесть.

Они бредут вместе в сторону казино.

Но вы как-нибудь загляните в Ла Распельер, загляните, да, и не откладывайте. У Вердюренов, знаете ли, исключительное положение в свете. У них бывают самые сливки общества. Кстати, вам известно, что у мадам Вердюрен, говорят, по меньшей мере тридцать пять миллионов? Тридцать пять миллионов, что вы на это скажете! И она, конечно, столько сделала для искусства, она исключительно много сделала. Вы ведь и сами пописываете, не правда ли? Ну, так тем более она вас встретит с распростертыми объятиями.

246. Интерьер. Казино. Бальбек. Бальный зал.
В зале ни единого мужчины.
Несколько девушек сидят за столиками, пьют. Одна наигрывает на рояле вальсок.
Несколько пар танцуют — девушки друг с дружкой.
Альбертина и Андре танцуют вдвоем.
Марсель и Котар смотрят на них, мешкая на пороге.

Марсель. А красиво они танцуют, правда? Девушки?

Котар. Напрасно родители взрослых дочерей сквозь пальцы смотрят на подобные наклонности. Я бы свою дочь к подобному заведению на пушечный выстрел не подпускал. (*Указывая на Альбертину и Андре.*) Вот, изволите ли видеть, полюбуйтесь на эту парочку. Грудь является у женщины эрогенной зоной, факт, увы, недостаточно широко известный. А эти две буквально притиснулись грудями. Полюбуйтесь.

Альбертина и Андре танцуют, тесно прижимаясь друг к дружке. Андре что-то шепчет Альбертине, Альбертина хохочет. И они слегка отстраняются друг от друга.

247. Интерьер. Бальный зал.
Марсель сидит за столиком с Андре у зеркальной стены. За соседним столиком — Жизель, Альбертина, Розамунда. Альбертина сидит спиной к залу.
Андре буквально выворачивает шею, глядя на двух дам, пока те проходят по залу и усаживаются.
Марсель следит за ее взглядом.

Марсель. На что это вы так смотрите?

Андре. На этих баб.

Марсель. Которых?

Андре. Да вон. Знаете, кто это?

Марсель. Нет.

Андре. Леа, актриса. И подруга ее. Они вместе живут, в открытую. Позорище!

Марсель. О!.. И вы, значит, не одобряете подобных вещей?

Андре. Я? Да я таких вещей терпеть не могу. Тут я — как Альбертина. Мы с ней обе терпеть это всё не можем.

Леа что-то тихонько говорит своей подруге, та слушает серьезно, без улыбки.

248. Затылок Альбертины.
Жизель шушукается с Розамундой.
За ними, в зеркале — невнятным промельком — лицо Альбертины.

249. Интерьер. Номер Марселя. Гостиная. День.
Входят Марсель и Альбертина.
Он прикрывает за собою дверь.
Она начинает говорить — с порога.

Альбертина. Ну, что это вы такое против меня затаили?

Марсель подходит к окну, сразу от него отворачивается, садится на диван, строго смотрит на Альбертину.

Марсель. И вы, в самом деле, хотите, чтоб я сказал вам правду?
Альбертина. Да. Хочу.
Марсель (*очень тихо*). Мне нравится Андре... очень. И всегда нравилась. Ну вот. Это правда. Мы с вами, надеюсь, останемся друзьями, но не больше. Когда-то я чуть было не влюбился в вас, но это время... не воротишь. Простите меня за откровенность. Правда всегда неприятна... для кого-то. Я люблю Андре.
Альбертина. Понятно. На вашу откровенность я не в обиде. Понятно. Но я просто хотела бы знать, что я вам сделала.
Марсель. Сделали? Да ничего вы мне не сделали. Я же вам объясняю...
Альбертина. Нет, я сделала, сделала, ну, или вы так считаете.
Марсель. Почему же вы не слушаете?
Альбертина. Почему же вы не можете мне прямо сказать?

Молчание.

Марсель. До меня дошли слухи.

Она очень внимательно на него смотрит.

Слухи... о вашем образе жизни.
Альбертина. О моем образе жизни?
Марсель. Я испытываю глубокое отвращение к женщинам... запятнанным этим пороком. (*Пауза.*) И, понимаете, я слышал, что ваша... сообщница... — Андре, и, поскольку Андре — женщина, которую я люблю, вы можете себе представить мое огорчение.

Альбертина смотрит на него, не мигая.

Альбертина. И кто ж вам такую бредятину наплел?

Марсель. Этого я не могу вам сказать.

Альбертина. Мы с Андре обе терпеть не можем эти вещи. По-нашему, так это прямо гадость.

Марсель. Значит, вы утверждаете, что это неправда?

Альбертина. Была бы правда, я бы вам призналась. Не стала бы я вам врать. Зачем мне вас обманывать? Но, говорю вам, — это выдумка сплошная.

Марсель. И вы в этом можете поклясться?

Альбертина. Клянусь. (*Подходит к нему, садится рядом с ним на диван. Тихонько.*) Клянусь. (*Берет его за руку.*) Глупенький. (*Гладит его по руке.*) И про Андре насочинял... (*Осторожно прикасается к его лицу.*) Глупенький. Я же ваша Альбертина. (*Гладит его по лицу.*) И вы же рады, правда, вы рады, что я тут, с вами... рядышком сижу?

Марсель. Да.

Она пытается его поцеловать. Рот у него плотно сжат. Она языком проводит по его губам.

Альбертина. Ну, откройте ротик. Откройте ротик, злючка. (*Вынуждает его разжать губы, целует его, валит на диван.*)

250. Интерьер. Палата в санатории. 1917. День.
Марсель (37) сидит за письменным столом, недвижный, как сова. Пустыня письменного стола — ни единой бумаги. За кадром слышится голос Бабушки.

Бабушка (*голос за кадром*). Ну, как тебе работается? (*Пауза. Нежно.*) Ах, прости, прости, больше не буду приставать.

251. Экстерьер. Пляж. Бальбек. День. 1901.
Марсель с Матерью сидят рядом в шезлонгах.

Мать. Тебе, по-моему, следует знать, что альбертинина тетя думает, что ты намерен жениться на Альбертине.

Марсель. О?

Мать. Ты на нее уйму денег тратишь. Вот они и сочли, естественно, что это была бы прекрасная партия, то есть для нее прекрасная.

Пауза.

Марсель. Ну, а ты сама? Что ты о ней скажешь?

Мать. Об Альбертине? Ну, ведь не мне на ней жениться, правда? И зачем я буду вмешиваться в твои дела, сам посуди, что́ бы сказала на такое твоя Бабушка? Но, если она может составить твое счастье...

Марсель. Она мне дико надоела. И вовсе я не собираюсь на ней жениться.

Мать. А тогда тебе бы, знаешь, лучше пореже с нею видеться.

252. Экстерьер. Вокзал в Донсьере. Платформа. День.
Сен-Лу (23) стоит на платформе.
Он в мундире и держит на поводке маленькую собачку.
Подкатывают дачные вагоны.
Марсель, высунувшись из окна, машет ему рукой.
Поезд останавливается. Марсель спрыгивает на платформу.
Они пожимают друг другу руки.

Сен-Лу. Вот, твоя телеграмма подоспела. Рад, рад тебя видеть.

Марсель. Я, знаешь, подумал, как приятно будет повидаться, пусть даже на пять минут.

Сен-Лу. Гениальная идея!

Марсель (*оборачиваясь к вагону*). Альбертина, выйдите, познакомьтесь с Робером.

Альбертина ступает с вагона на платформу.

Марсель. Мадемуазель Альбертина Симоне. Маркиз де Сен-Лу.

Сен-Лу склоняет голову в поклоне.

Альбертина. Ой, какой песик чудненький! А как его зовут?

Сен-Лу. Это сучка. Пепи.

Альбертина. Ну, здравствуй, Пепи!

Марсель. Мы едем к Вердюренам. Жаль, ты не можешь присоединиться.

Сен-Лу. Ну, я, наверно, и мог бы — не поехал. Эта их атмосфера меня бесит.

Альбертина играет с собачонкой.
Поводок захлестывается вокруг ног Сен-Лу.
Притягивает к нему Альбертину.

Альбертина. Ой, прошу прощенья! У вас такая чудесная собачка. Ко мне, Пепи!

Марсель. Но почему же, объясни?

Альбертина. Ой, смотрите! Ваша собачка шерсть пооставляла на вашей изумительной форме! Ну, не жуть? Гляньте только на свои брюки! Ах ты гадкая маленькая собачка!

Сен-Лу. Это почистят. (*Марселю.*) У них там секта. (*Улыбается.*) Гадкая маленькая секточка. Со своими они — сахар медович, всех прочих — презирают. Нет, это не для меня.

Начальник станции свистит в свисток.

Марсель. Ну, нам пора.

Альбертина. До свиданья, собачечка, до свиданья. Как, вы сказали, ее зовут?

Сен-Лу. Пепи.

Все пожимают друг другу руки.

253. Экстерьер. Дорога на Ля Распельер.
В автомобиле. За рулем ШОФЕР, ШАРЛЮ и МОРЕЛЬ на заднем сиденье.
У обоих — ничего не выражающие лица.
МОРЕЛЮ двадцать один год, и он очень хорош собой.

254. Интерьер. Ля Распельер. Гостиная. Закат.
На редкость просторная гостиная. Композиции из только что срезанных трав, маков, полевых цветов аукаются с тонами и мотивами настенной росписи. Громадные окна смотрят свысока на окружные террасы.

МАДАМ ВЕРДЮРЕН. Ах, сегодня у нас будет такой музыкант, ну такой, ну просто изумительный музыкант! Это мы с мужем, главное, его открыли. Морель. У мальчика великое будущее. К сожалению, за ним увязался старинный друг семейства, что ли. Ничего не попишешь, придется его терпеть. Такой барон де Шарлю.

Мадам Вердюрен (59) подплывает к группке, состоящей из МАРКИЗЫ И МАРКИЗА КАМБРЕМЕР, МАДАМ КОТАР, МЕСЬЕ ВЕРДЮРЕНА И АЛЬБЕРТИНЫ.
Альбертина — изысканно нарядна.
БРИШО (64), КОТАР (57) и МАРСЕЛЬ стоят отдельно, в стороне.
Бришо — полуслепой.

БРИШО (*Котару*). Слыхали новость? Дешамбр-то умер.
КОТАР. Правильно. Умер. Печень. (*Марселю.*) Дешамбр был любимый пианист мадам Вердюрен. И совсем еще молодой человек, понимаете ли.
БРИШО. Ну, не то чтобы уж очень молодой. Он еще играл бывало эту сонату Вентейля для Свана, помните, давным-давно?
КОТАР. Правда? Нет, что-то не припоминаю.
БРИШО. Бедняга Сван.
КОТАР. А что со Сваном?
БРИШО. Он умер, мой любезнейший. Уж месяца два, как умер.
КОТАР. Да неужели? А мне — ну хоть бы слово кто сказал. Господи! Мрут все, понимаете, как мухи.

Мсье Вердюрен (61) подходит к ним.

БРИШО (*Вердюрену*). Какое ужасное известие — о Дешамбре!
МСЬЕ ВЕРДЮРЕН. Да, но теперь-то уж что, слезами горю не поможешь. Говори о нем не говори, его не воскресишь, верно? И ради всего святого, умоляю, только не заговаривайте о Дешамбре с мадам Вердюрен. Она безумно чувствительная, до болезненности. Она чуть не плакала, узнав о его кончине.

Котар. Да неужели? (*Через всю гостиную смотрит на Камбремеров. Вердюрену*) И вы, кажется, сказали, что эти двое — маркиз с маркизой?

Мсье Вердюрен. Да, ну и что такого? (*Марселю.*) Мы у них сняли на лето этот дом. Они ужасные зануды, но в кои-то веки пришлось их пригласить. Простая вежливость.

Котар (*бормочет про себя*). Маркиз с маркизой. Н-да-с! (*Марселю.*) По ним разве скажешь? И кого только здесь ни встретишь, знаете ли.

Лакей отворяет дверь.

Лакей. Мсье Морель и барон де Шарлю.

Вердюрены идут встречать Мореля и Шарлю.
Глаза Мореля и Марселя на миг встречаются.
И видно, что они друг друга знают.

255. Альбертина одиноко стоит у окна.
На заднем фоне, в глубине гостиной Морель знакомит Шарлю с Вердюренами.
Альбертина смотрит на Мореля.
Потом резко отворачивается и упирает взгляд в окно.

256. В дверях столовой.
Мадам Вердюрен шепчется с мужем.

Мадам Вердюрен. Так мне с бароном входить?

Мсье Вердюрен. Да ты что! Камбремер — маркиз, Шарлю — барон. Маркиз главней барона. Так? Нет-нет, тут уж я уверен на все сто. Камбремер должен сидеть за столом от тебя по правую руку. С ним и входи.

257. Интерьер. Столовая.
На камеру — к столу — через всю столовую — надвигается шествие; его возглавляет мадам Вердюрен, повиснув на руке маркиза де Камбремера (55). На буфете стоит блюдо с громадной рыбиной. Маркиз де Камбремер, проходя мимо, не в силах от нее оторвать очарованных глаз.

Маркиз де Камбремер. Да, отличное животное, доложу я вам.

Гости рассаживаются в предуказанном порядке.
Мадам Вердюрен садится во главе стола, Маркиз — по ее правую руку, Марсель по левую.
Далее, левей Марселя, сидят: мадам Котар, Бришо, Морель и Шарлю.
Справа от маркиза де Камбремера — Альбертина, Котар, маркиза де Камбремер.
Место мсье Вердюрена — напротив жены, на нижнем конце стола.

Маркиз де Камбремер (*обращаясь к мадам Вердюрен*). Я, знаете, чувствую себя здесь совсем как дома.

Мадам Вердюрен. Но вы, по-моему, могли бы и отметить кой-какие весьма существенные перемены. Тут, прямо в столовой, торчали эти отвратные плюшевые креслица, так я, должна признаться, мигом их сослала на чердак... (*Берет кусок хлеба, наджусывает и бормочет с набитым ртом.*)...хотя для них и это слишком жирно.

258. Маркиза де Камбремер (50), услышав это замечанье, каменеет.
Она пышна не в меру.

Котар (*маркизе де Камбремер*). Роскошный дом, роскошный дом, а?

Маркиза де Камбремер. Это наш дом.

259. Морель смотрит через стол на Альбертину.

260. Альбертина смотрит через стол на Мореля.

261. Марсель смотрит, как Альбертина смотрит на Мореля.

Котар (*Марселю, голос за кадром*). Когда вы оказываетесь на относительно большой высоте, как, например, здесь, способствует ли данная перемена местности учащению ваших приступов удушья?

Марсель. Нет.

262. За столом.
Подают ту самую огромную рыбину.

Маркиз де Камбремер (*встрепенувшись*). Приступы удушья? У кого это приступы удушья?

Марсель. У меня. Время от времени.

Маркиз де Камбремер. Нет, правда? Да неужели? Даже не могу вам передать, какой это для меня сюрприз! Понимаете ли, у моей сестры — та же самая история. Она страдает приступами удушья вот уже много лет. Я должен ей рассказать, что познакомился с ее товарищем по несчастью. Как ей будет приятно!

263. Шарлю и Морель.
Морель смотрит на Альбертину.
Шарлю смотрит на Мореля.

Мсье Вердюрен (*голос за кадром, шепотом, на ухо Шарлю*). Я, конечно, с первых слов, которыми мы обменялись, догадался, что вы — свой брат.

Шарлю (*вздернув брови, окидывая мсье Вердюрена взглядом*). Прошу прощенья?

264. Мсье Вердюрен и Шарлю.

Мсье Вердюрен. То есть я хочу сказать, я ж понимаю, до какой степени вам плевать на все такое подобное.

Шарлю. Я не вполне улавливаю вашу мысль.

Мсье Вердюрен. Я имею в виду тот факт, что мы отдали пальму первенства маркизу. Ну, что мы посадили маркиза по правую сторону от мадам Вердюрен. Я лично ни малейшего значения не придаю дворянским титулам, но вы же сами, конечно, понимаете, что поскольку мсье Камбремер — маркиз, а вы всего-навсего барон...

Шарлю. Простите меня великодушно. Но я к тому же герцог Брабантский, и демуазо Монтаржийский, принц д'Олерон, де Каренси, де Виареджи, де Дюн. Однако вы, пожалуйста, не огорчайтесь. В данном случае это ни малейшего значенья не имеет.

265. Интерьер. Гостиная. После обеда.
Камбремеры шепчутся.

Маркиза де Камбремер. Они весь дом нам разорили, просто опоганили. Но я нисколечко не удивляюсь. Разве можно ждать хорошего вкуса от бывших лавочников, а кто же они еще?

Маркиз де Камбремер. Ну, канделябры, на мой взгляд, — вполне.

Маркиза де Камбремер. По-моему, надо им повысить ренту.

266. Интерьер. Гостиная.
Морель играет на скрипке, Шарлю ему аккомпанирует на рояле.
Музыка прекращается. Возгласы "Браво!", "Изумительно!" и прочее в том же духе.
Мадам Котар (53) спит в кресле.
Шарлю оборачивается к Марселю.

Шарлю. Он играет, как бог, вы согласны?

Мадам Вердюрен (*Морелю*). Ну, пожалуйста, ну, побалуйте нас еще немножечко.

Морель. Простите, не могу. Мне скоро придется уйти.

267. Крупный план. Сидящая Альбертина.

268. Гостиная.

Котар (*жене*). Леонтина, ты храпишь.

Мадам Котар (*слабым голосом*). Я слушаю мсье Свана, друг мой.

Мадам Вердюрен. Она с духами общается, доктор, причем с довольно таки сомнительными духами.

Котар. Мсье Свана! (*Вопит.*) Леонтина! Да возьми же ты себя в руки!

Мадам Котар (*бормочет*). Какая теплая, какая приятная ванна... (*Вдруг, рывком распрямляется в кресле.*) О, Боже милостивый! Что это я, что я такое говорю, думала про свою шляпку, а потом — раз, ни с того ни с сего, кажется, вздремнула, а все этот камин проклятый.

Котар (*вопит*). Ну где, где ты здесь видишь камин! Сейчас лето в самом разгаре! (*Остальным.*) И красная вся, как старая свекла!

269. Морель лениво потягивает питье из бокала.
Он сидит в кресле рядом с Альбертиной.
Они смотрят в разные стороны.

270. Гостиная.
Шарлю и Марсель смотрят оба в сторону Мореля.

Шарлю. Я из него великого музыканта сделаю.

К Морелю подплывает мадам Вердюрен.

Мадам Вердюрен. Ах, мой Моцарт! Мой юный Моцарт! Не желаете ли у нас переночевать? У нас есть такие дивные комнаты, с видом прямо на море.

Шарлю (*на нее надвигаясь*). Это исключено. Он должен вернуться к себе и спать в своей кроватке, как положено хорошему мальчику, благовоспитанному и послушному.

Мадам Вердюрен опускает взгляд на сидящую рядом Альбертину.

Мадам Вердюрен. Какое на вас чудненькое платьице, милочка!

Альбертина. Спасибо, мадам.

Мадам Вердюрен. Не желаете ли у нас переночевать? Я такую комнату вам покажу, вы будете прямо в восторге.

Марсель (*подходя*). Боюсь, что это невозможно. Мадмуазель Симоне ждет ее тетушка.

Мадам Вердюрен. Вот жалость.

271. Экстерьер. Ля Распельер. Скалы. Ночь.
Шорох волн.
Поодаль — всеми окнами сияющий дом.
Дверь настежь. К фасаду все подают, подают кареты.
Гости стоят, залитые луной. Чуть слышен их отдаленный говор.

Шорох волн.

272. Экстерьер. Перед домом.
Шарлю беседует с Вердюренами и с маркизой де Камбремер.
Марсель стоит с Альбертиной, Морель — в глубине, к ним спиной. Маркиз де Камбремер оборачивается к Марселю.

Маркиз де Камбремер. Вы должны, вы должны нас посетить, и не откладывайте, пожалуйста, это дело в долгий ящик. Обсудите свои приступы удушья с моей сестрой. Я уверен, ей будет очень приятно.

273. Интерьер. В вагоне. Дачный поезд из Ля Распельер. Ночь.
Марсель с Альбертиной, одни.

Альбертина (*зевая*). Какой приятный дом. Я получила удовольствие, нет, правда.
Марсель. Убитый вечер. Пустая трата времени.
Альбертина. Нет, а я дивно провела вечер.

Пауза.

Марсель. А что вы скажете об игре Мореля?
Альбертина. О... он играл прекрасно.
Марсель (*резко*). Его отец служил в лакеях у моего дяди.
Альбертина. Правда? Ну, а все равно он играл прекрасно.
Марсель. Как вы могли так недостойно себя вести с Сен-Лу?
Альбертина. С Сен-Лу? А что такое?
Марсель. Вы об него терлись, вы с ним флиртовали. А что, по-вашему, вы делали?
Альбертина. А-а. Так я ж это нарочно. Мне не хотелось, чтобы он подумал, что мы с вами... ну, совсем близкие друзья. Но вообще-то, вовсе я с ним и не флиртовала, я флиртовала с его песиком.
Марсель. Вы разве не слышали, что он сказал? Собака у него — сучка.
Альбертина. А-а.

Молчание.
Альбертина смотрит в окно.

Марсель. Я должен с этим покончить. Давно пора с этим разделаться. (*Смотрит в затылок Альбертине, бормочет.*) Пустая трата времени. (*Пауза.*) Есть, например, одна вещь, которую я давно хотел у них выяснить, да разве у них выяснишь.
Альбертина. Что выяснить?

Марсель. Вам это неинтересно. (*Легкая пауза.*) Насчет одного композитора. Они когда-то его откопали, с ним носились. Он написал одну сонату. И хочется выяснить, не написал ли он еще что-нибудь.

Альбертина. Что за композитор?

Марсель. Ну, если я вам скажу, что его фамилия Вентейль, вас это сильно обогатит?

Альбертина. Вентейль? Интересно.

Он бросает на нее острый взгляд.

Помните, я как-то вам рассказывала про одну подругу, старше меня, которая была мне как сестра, как мать, и с ней я провела лучшие дни моей жизни, когда-то, в Триесте?

Марсель (*медленно*). Нет. Не помню.

Альбертина. Ну, как же. Вообще-то мы с ней договорились через несколько недель встретиться в Шербуре и вместе отправиться путешествовать. Ну вот, и эта женщина — самая любимая, самая близкая подруга дочки Вентейля. Вообще-то, я эту дочку Вентейля знаю почти так же близко, как и эту подругу. Я даже их всегда своими старшими сестрами называю.

Марсель на это ничего не отвечает. Поезд катится, катится. Молчание.

274. Интерьер. Отель. Номер Марселя.
Мать сидит, Марсель стоит.

Марсель. Знаю — то, что я сейчас скажу, тебя огорчит. Но я должен вернуться в Париж. И я хочу взять с собой Альбертину, чтоб она осталась, чтоб жила моей гостьей у нас в квартире. Это совершенно необходимо, и — пожалуйста, лучше не будем спорить, мама, потому что я все продумал, все решил окончательно, и во второй раз менять свое решение я не стану, и потому что иначе я жить не смогу — мне нужно, мне совершенно необходимо жениться на Альбертине.

275. Лицо Матери.

276. Мадемуазель Вентейль подбегает к окну и затворяет ставни.

277. Одетта наигрывает сонату Вентейля. Сван слушает.

278. Экстерьер. Поле. День.
Лошадь без всадника скачет от камеры прочь.

279. Интерьер. Библиотека в парижской квартире Марселя. Ночь. 1902.
Стены увешаны коврами.
Альбертина спит в постели.
Марсель стоит и смотрит на нее.

280. Интерьер. Кухня.
Охапка жасмина лежит на кухонном столе.

281. Интерьер. Библиотека (она же комната Альбертины). Ночь.
Альбертина, в ночной рубашке, стоит у открытого окна.

282. Интерьер. Квартира Марселя. Коридор. Утро.
По коридору, с подносом, проходит Франсуаза.
У двери библиотеки она останавливается, стучится.

Франсуаза. Ваш кофий, мадемуазель Симоне.

283. Интерьер. Две смежные ванны.
Матовое стекло.
За этим стеклом — невнятный очерк Альбертины, растирающейся полотенцем.
Она что-то тихонько мурлычет себе под нос.
Марсель — в смежной ванной — слушает.
И улыбается.

284. Интерьер. Комната Марселя. Утро.
Он лежит в постели. Входит Альбертина.

Альбертина. Доброе утро! (*Садится к нему на постель, наклоняется. Они целуются.*) Какая щечка нежная. Никак побрились.
Марсель. Угу. А потом снова лег.
Альбертина. Вот лентяй. Плохо спали?
Марсель. Хуже некуда.
Альбертина. Нездоровится?
Марсель. Не то чтобы. Но как-то я не совсем в форме. Сегодня лучше полежу.
Альбертина. Бедненький вы мой.
Марсель. Скоро Андре придет, да? И вас куда-то вытащит?
Альбертина. Да.
Марсель. И куда?
Альбертина. Ой, я даже сама не знаю. Может, и вы с нами?.. Или — хотите? — я ей скажу, чтоб шла домой, а мы с вами куда-нибудь закатимся парочкой.
Марсель. Андре прекрасный друг... и вам, и мне.
Альбертина. Кто ж спорит.
Марсель. И я ей доверяю. (*Пауза.*) Но я неважно себя чувствую, лучше я дома останусь.

Альбертина. И возьметесь за работу, раз мы оставим вас в покое? Попытаетесь, да?

Марсель. Да, да.

Альбертина. А я вам бумагу принесу, и карандашиков, прямо в постельку положу, чтобы вам не вставать. А то — хотите? — я с вами побуду.

Марсель. Если вы побудете со мной — какая же работа?

Альбертина. А-а, значит, я вас буду отвлекать, да? (*Хохочет.*) Бывает, ну, чувствую, вот никуда бы не ходила, лишь бы с вами не разлучаться. Никогда. (*Ласкается к нему.*) Но если вдруг вам захочется, чтоб я ушла, вы только слово скажите, ладно? Так прямо и скажете, да? И я уйду.

Он долго, с сомненьем, на нее смотрит. Она улыбается.

Ну, если ваши родители еще раньше меня отсюда не попросят.

Марсель. Мои родители очень рады, что вы здесь живете, у меня в гостях. Они ничего не имеют против того, чтоб вы здесь жили... вообще.

Альбертина. Ну, и я ничего не имею против.

Марсель. Я даже, может быть, на вас женюсь.

Альбертина. Нет-нет. Ну что вы. Есть столько девушек, красивей и умней, и более подходящих... для вас.

Звонят в дверь.

Альбертина. Ой, это Андре.

285. Интерьер. Библиотека, она же спальня Альбертины. (Все, как в кадре 279.)

Альбертина спит в постели.
Марсель на нее смотрит.
Потом подходит, ложится с нею рядом, вплоть.

286. Их головы.
У Альбертины глаза закрыты. Подрагивают веки.
Марсель с открытыми глазами, нежно приникает, ластится к ней.

287. Интерьер. Комната Марселя. Под вечер.
Дверь открыта. И мы видим через эту дверь, как Андре и Альбертина идут по коридору. Альбертина уходит к себе.
Андре входит к Марселю, притворяет за собою дверь.
Стопочка блокнотов, не тронутая, лежит возле подушки.

Андре. Мы дивно провели время.

Марсель. И куда же вы ездили?

Андре. В Версаль.

Марсель. Встретили кого-нибудь?
Андре. Альбертина старую подругу встретила.
Марсель. Какую?
Андре. Не знаю, школьную подругу какую-то. Имя не упомнила.
Марсель. Но какая она с виду?
Андре. На мышь похожа. Скорее, в общем, страхолюдина.
Марсель. И о чем у них шел разговор?
Андре. Насчет живописи. Типичный школьный лепет.

Пауза.

Марсель. И это все?
Андре. Абсолютно.

288. Альбертина в постели, лежит навзничь, разметав волосы по подушке.

Альбертина. Я ведь до нашей встречи такая темная была, ну просто пень, да? А теперь такая стала образованная, ума поднабралась. А все от кого?

289. Вид на двор из окна в комнате Альбертины. День.
Марсель идет через двор, обнимая охапку жасмина.
В глубине комнаты что-то со стуком падает. Скрип. Шорох. Шелест платья.

290. Интерьер. На лестнице.
Марсель поднимается по ступеням, прижимая к себе цветы. Он вскидывает взгляд.
Из квартиры выходит Андре.

Марсель. Как? Уже вернулись?
Андре. Вот буквально только что вошли. Альбертина решила написать письмо, и я ее оставила, пусть пишет.
Марсель. Письмо? Кому письмо?
Андре. Да тетушке своей.
Марсель. Какая жалость, что вы дверь захлопнули. Я ключ забыл. А Франсуаза дома?
Андре. Нет, за покупками ушла. Это ведь у вас жасмин, да?
Марсель. Да.
Андре. Альбертина не выносит жасмина. Из-за этого запаха, он невозможно резкий.
Марсель. Правда? А я и не знал.
Андре. Такой неотвязный запах. Ну, пока.

Она спускается по лестнице. Марсель звонит.
Дверь открывается мгновенно. На пороге — Альбертина.
В прихожей темно.

Альбертина. Жасмин! Ой! (*И кидается через прихожую, прочь.*)

Марсель. Я его на кухне положу, да?

291. Интерьер. Кухня.
Марсель кладет цветы на стол, а сам возвращается в прихожую.

Голос Альбертины. А я у вас!

Марсель идет к себе в спальню.

292. Интерьер. Спальня Марселя
Альбертина лежит в постели.

Марсель. Простите. Я и не знал, что вы не выносите жасмина.
Альбертина. Все этот запах, исключительно. Он такой прилипчивый. Вы, наверно, весь пропахли. Ой, не подходите, не подходите близко, пока не выветрится.

293. Интерьер. Спальня Марселя. Утро.
Он лежит в постели. Франсуаза ему приносит кофе. Подает его Марселю в постель, но не уходит, мнется, топчется, что-то бубнит себе под нос.

Марсель. Что такое?

Она ходит по комнате, попутно наводя порядок.

Франсуаза. Ох, не оберетесь вы с ней хлопот, с этой вашей.
Марсель. О чем вы?
Франсуаза. Я при вашем семействе, небось, уже сорок лет как состою.
Марсель. Да о чем вы толкуете?
Франсуаза. Сердце вы крушите отцу-матери.
Марсель. Да как вы можете? Родители как раз очень рады, очень рады. Мама в каждом письме пишет.
Франсуаза. Срам вы накличете на этот дом, срам и беду.
Марсель. Ну, довольно!

294. Интерьер. Комната Альбертины. Ночь.
Альбертина спит и что-то бормочет во сне.
Марсель, рядом с нею, силится разобрать слова.

Альбертина. О, моя радость!

Марсель хмурится.

295. Интерьер. Гостиная. Вечер.
Марсель разглядывает рисунки Альбертины.

Марсель. Но это же великолепно!
Альбертина. Ну, прямо уж, великолепно. Вот, если бы я училась рисовать!

Он смотрит на нее.

Марсель. Но вы ведь учились рисовать, в Бальбеке.

Альбертина. Разве?

Марсель. Как-то вечером. Вы не могли со мной увидеться. И вы сказали, что у вас урок рисования.

Альбертина. А-а. Ну да. Так она была совсем никудышная, эта учительница, я начисто про нее забыла. Просто ноль без палочки.

Пауза.

Марсель. О, а я ведь что? хотел у вас спросить... это так, ерунда, ни малейшего значения...

Альбертина. Да?

Марсель. Вы знакомы с Леа?

Альбертина. С Леа?

Марсель. С актрисой.

Альбертина. Нет. Вроде, нет. А что?

Марсель. Что вы о ней знаете? Что она за женщина?

Альбертина. Совершенно порядочная, насколько я слышала.

Марсель. Мне дали понять совсем другое.

Альбертина. Ну, я ничего такого не знаю.

Пауза.

Марсель. Вы мне не доверяете? Но почему? Вы же знаете, я вас люблю.

Альбертина. Я только вам и доверяю. И вы это знаете. И вы знаете, что я вас люблю.

Пауза.

Марсель. Я вот решил, что не стоит вам заниматься верховой ездой, чересчур опасно. Еще, чего доброго, лошадь понесет, вас сбросит.

Она смотрит на него, едва заметно улыбаясь.

Альбертина. И вот я умру — а вы что? Покончите с собой?

296. Интерьер. Спальня Марселя. Ночь.
Альбертина в халатике. Марсель снимает с нее халатик, раскрывает ночную рубашку, разглядывает грудь, нагибается, снимает с нее туфли.
Она с улыбкой, нетерпеливо ему помогает.
На миг перед нашими глазами мелькает голое тело Альбертины.
И она бросается на постель.

297. Крупный план. Голова и плечи Альбертины.
Руки у нее запрокинуты за голову.
298. Крупный план. Марсель, сверху, смотрит на нее.

Марсель (*нежно*). О, моя радость.

299. Интерьер. Спальня Альбертины. Ночь. (Повторение кадра 281.)

Альбертина в ночной рубашке стоит у открытого окна.

300. Интерьер. Гостиная. Утро.

Марсель и Альбертина у окна.

Крики уличных торговцев снизу залетают в окно.

Альбертина. Ой, вы только послушайте! Что они кричат! Прелесть, да? Устрицы! За устриц все отдать, да мало! Креветки! И от креветок не откажусь!

Марсель. Ну, они хороши, когда свежайшие, как в Бальбеке, а так, за это удовольствие можно жестоко поплатиться.

Альбертина. Слушайте, слушайте! Лук, капуста, морковь, апельсины — все, все хочу! А может Франсуаза нам приготовить морковочку, тушеную в сметане, а? С лучком? И все, что мы слышим, все эти звуки мы слопаем, да? Все эти звуки к нам лягут на тарелки. Вы ей скажете?

Марсель. Да, да.

Альбертина. А еще мороженого хочется, от Ребате[1]. Я бы зашла и купила порцию.

Марсель. И вовсе вам незачем ходить к Ребате. Я вам его в "Ритце" закажу.

Пауза.

Альбертина. Так вы что? Собрались выходить?

Марсель. Ну, может быть, не знаю.

Пауза.

Альбертина. Ой, раз уж вы решили мне заказать мороженое, я знаете какое хочу — такое старинное, в виде дворцов, соборов, церквей, одним словом, всяких-разных монументов. Черносмородиновых или ванильных монументов. И пусть их розовый гранит крошится и тает у меня в горле. А? Ну как? Ловко я выразилась? И я губами сокрушу их колонны, колонны, одну за другой. Венецианские клубничные церкви падут под напором моего языка. И все это я буду глотать, всю эту прохладу, прохладу, прохладу.

1. О Ребате известно только ("Под сенью девушек в цвету"), что "по части мороженого, баваруаза и шербета Ребате великий искусник", что дает нам некоторое право предполагать, что это знаменитый парижский кондитер. (Но нельзя забывать, что, например, знаменитый писатель Бергот и знаменитый художник Эльстир — вымышленные лица.)

301. Интерьер. Коридор. Ночь.
В коридоре темно.
Дверь спальни Марселя открыта.
Он идет по коридору к двери Альбертины.
Останавливается. Прислушивается.
Молчанье.

302. Экстерьер. Пляж в Бальбеке. День.
Альбертина хохочет, очень яркая на фоне неба и моря.

303. Интерьер. Гостиная. Вечер.
Марсель и Альбертина сидят за столом.
На столе кофейные чашки.
Молчание.

Марсель. Вы, по-моему, грустная.
Альбертина. Мне никогда еще не было так хорошо.
Марсель. Вы себя не чувствуете, как птичка в клетке?
Альбертина. Говорю же вам, никогда еще мне не было так хорошо. (*Пауза.*) Завтра мне, наверно, придется к Вердюренам тащиться. В общем-то, неохота, но надо.
Марсель. А что такое?
Альбертина. Ведь я же вам говорила, что мы с Андре на днях случайно наткнулись на мадам Вердюрен, да?
Марсель. Нет. Не говорили.
Альбертина. Нет? Ой, а я думала, что я вам сказала. Ну, и она, в общем, на меня насела, чтобы я к ним зашла как-нибудь на чашку чаю. Мне неохота, но, может, и ничего, проветрюсь. Она и Андре пригласила.

304. Интерьер. Комната Марселя. Вечер.
Марсель у телефона.

Марсель. Андре.
Голос Андре. А! Привет.
Марсель. Вы с Альбертиной идете завтра к Вердюренам?
Андре. Правильно.
Марсель. А зачем?
Андре. Как — зачем?
Марсель. Зачем ей туда идти?
Андре. Мадам Вердюрен пригласила нас на чашку чаю, вот и все. Вполне невинно.
Марселью И вы уверены...

Входит Франсуаза, выдвигает ящик комода, кладет туда стопку рубашек. Он ждет.

Андре. Алло!
Марсель. Да... да... простите...

Франсуаза выходит.

И вы уверены, что там не объявится кто-то, с кем она хочет встретиться?

Андре. Ну кто? Даже себе не представляю.

Марсель. Я, наверно, с вами пойду.

Пауза.

Андре. А-а.

305. Интерьер. Комната Альбертины. Вечер.
Входит Марсель.

Марсель. Я, наверно, с вами пойду.

Альбертина. Куда?

Марсель. К Вердюренам. Завтра. На чай.

Альбертина. А-а. Ну да, конечно, если хотите. Сегодня, правда, жуткий туман. Может, до завтра рассеется. Конечно, было бы в сто раз веселей, если бы и вы туда собрались. Но я и сама вряд ли пойду, в общем-то. Мне к этому платью позарез нужен белый шарф. Может, я этим как раз и займусь.

306. Интерьер. Гостиная. На другой вечер.
Марсель с Альбертиной над чашками кофе.
Молчат.

Марсель. Ну, нашли вы шарф, какой хотели?

Альбертина. Нет.

Пауза.

Марсель. Мне сегодня заметно лучше. Пойду-ка я, что ли, к Германтам или к мадам де Вильпаризи. Сто лет у них не был. А вы? Не хотите?

Альбертина. Нет, спасибо. У меня сегодня волосы в кошмарном виде.

Он идет к двери.

Марсель. Ладно. Пойду, прогуляюсь немножко. Вы здесь будете, когда я вернусь?

Она на него смотрит.

Альбертина. Ну, конечно.

307. Морель настраивает скрипку.

308. Шарлю встречает гостей.

309. Вердюрены стоят с кислыми физиономиями.

310. Экстерьер. Вечер. Улица. Долгий кадр.
Поодаль проходит Марсель.
Его окликает, к нему направляется Шарлю.
Дальше они идут вместе.
А поверх всего этого.

Альбертина. Завтра мне, наверно, придется к Вердюренам тащиться. В общем-то, неохота, но надо.

311. Шарлю и Марсель идут по улице.

Шарлю. Смею вас уверить, сегодняшний вечер станет для всех, кому выпадет счастье на нем присутствовать, памятным и даже, могу сказать, историческим событием. Да знаете ли вы, что вам предстоит?

Марсель. Нет. А что это будет?

Шарлю. Премьера нового сочинения Вентейля, в исполнении Мореля. Я безмерно рад, что вы идете. Я бы, натурально, вам послал приглашение, но я так понимал, что вы больны. Значит, вам стало лучше?

Марсель. Да, благодарю вас. Новое сочинение? Вентейля?

Шарлю. Да. Септет.

Марсель. Но он же умер давно.

Шарлю. Ну да. Но он, как выясняется, пооставлял там и сям неразборчивые, почти не поддающиеся расшифровке рукописи, скорей наброски, так, пачкотню. И можете вы себе представить, кто годами над всем этим корпел, доводя до ума? Недостойная подруга мадмуазель Вентейль и сама эта дочка с нею бок о бок. Сначала они его загоняют в гроб своим гнусным бесчинством, а потом упорно спасают его труд, воскрешая тем самым и автора. Вещь великолепная, и Морель ее великолепно исполнит. Наверно, обе полупочтенные дамы были сегодня на репетиции. Их ждали, Морель мне сказал.

Камера перемещается на Марселя, и мы видим его лицо все то время, пока говорит Шарлю.

Я видел этого мерзавца только утром, когда он ворвался ко мне в спальню и пытался вытащить меня из постели. Злая выходка, чистой воды хулиганство. Знает же, негодяй, как я не терплю, чтобы меня видели с утра пораньше. В конце концов, мне уже не двадцать пять, меня уже едва ли выберут королевой бала, не так ли? Но, должен признаться, мальчишка, хоть и мерзавец, все хорошеет день ото дня.

Марсель. Значит, мадемуазель Вентейль и ее подругу... ждали сегодня днем у Вердюренов?

Шарлю. Их ждали.

Останавливается.

Я должен кое-что конфиденциально вам сообщить. Вы писатель...

Марсель. Нет, я...

Шарлю. Ну, так станете писателем. Хотите стать. И, стало быть, вас занимает сложное, таинственное строение души человеческой. Вдобавок я к вам проникся доверием, почему — понятия не имею. Ну так вот, я, знаете ли, случайно, о, совершенно случайно, вскрыл на днях письмо, адресованное Морелю. От актрисы Леа, самой отпетой лесбиянки, как всем известно. Текст этого письма столь низкопробного свойства, что воспроизвести его целиком я никак не могу, но мелькнули в нем, знаете, такие удивительные фразочки — к Морелю обращенные, вы помните, такие, как "гадкая вы девчонка", или "конечно, вы среди нас свой, прелесть, лапочка". Более того, из письма неопровержимо явствует, что нежных чувств к Морелю полны и кое-какие другие женщины, подружки сей милой дамы. Чуть не все сплошь лесбиянки. Ну, а я меж тем всегда считал, что Морель — так сказать, среди нас свой. Да, конечно, у него были женщины, целая куча, у него и сейчас бывают женщины, если ему приспичит, пожалуйста, мне с высокой горы плевать, но эти же — и не женщины вовсе. Вы меня слушаете? Когда Леа заявляет: "Вы среди нас свой", что она, интересно, может иметь в виду? Он же среди нас — свой! Ну, хорошо, мы знаем, положим, что Морель... м-м-м... разносторонен. Но вы допускаете, что он еще и лесбиянец?

Марсель. Я не знаю.

Шарлю (*с нехорошей ухмылкой*). Я имею в виду — ну как может мужчина быть лесбиянцем? Иными словами — какова процедура?

Марсель. Я не знаю.

Шарлю. Нисколько не удивляюсь, впрочем, что вы не в силах разрешить мое затруднение. Вы абсолютно неопытны по этой части.

Шарлю идет дальше, Марсель — за ним.

Слыхали, кстати, — мой племянник Сен-Лу женится на Жильберте, дочери Свана? Вот бы Свану пришелся по душе этот брак, жаль, не дожил, бедняга.

Они доходят до дома Вердюренов.

Я сам, могу вам доложить, распорядился приглашениями на нынешний вечер. Пусть мадам Вердюрен склика-

ет своих бакалейщиков, мясников, галантерейщиков, модисток, не говоря уж о даме из сортира на Елисейских полях, пожалуйста, сколько душе угодно, — но только в любой другой день. Сегодня сливки общества будут слушать игру Мореля. (*Остро вглядывается в Марселя.*) Да что это с вами? Совсем больной вид. Заболели?

Марсель. Нет. Я совершенно здоров.

Оба входят в дом.
Камера медлит на затворяемой двери.

Альбертина (*голос за кадром*). Вообще-то неохота, но надо идти.

312. Интерьер. Концертный зал в доме Вердюренов. Вечер.
Вердюрены стоят в одиночестве с кислыми минами.
На заднем плане Шарлю привечает гостей.
Гости, едва войдя, устремляются прямо к Шарлю.
На Вердюренов никто не обращает внимания.

Герцогиня Германтская. Меме, как я рада вас видеть. Вас последнее время можно обнаружить в самых невозможных домах. А где же матушка Вердюрен? Надеюсь, я не обязана вступать с ней в беседу?

313. Вердюрены.

Мадам Вердюрен. Я здесь хозяйка. Дом — мой. Он, кажется, совсем упустил из виду такую мелочь. Ну уж нет, я ему этого не спущу.

Над кадром проплывает голос герцогини Германтской.

Герцогиня. Надеюсь, она не сунет мое имя в завтрашние газеты. Да со мной же разговаривать перестанут!

Хохот собравшихся, возгласы вновь прибывших, приветствующих Шарлю, его ответные возгласы.
Марсель подходит к Вердюренам.

Марсель. Простите, а мадмуазель Вентейль не должна здесь сегодня быть? С одной своей подругой?

В глубине зала Неаполитанская Королева подплывает к Шарлю.
Остальные гости с ней здороваются — дамы приседают в книксене, мужчины склоняют головы.
Королеве шестьдесят лет[1].

1. Ее Величество вдовствующая Королева Обеих Сицилий (как в русской традиции принято ее называть) — Мария София Амелия Баварская (1841—1925) — дочь короля Баварии Максимилиана и супруга-консорт последнего короля Обеих Сицилий Франциска Второго.

Мадам Вердюрен. Нет, она телеграмму прислала. Они вынуждены остаться в деревне. (*Вердюрену.*) Морель должен знать об этом человеке всю правду. Мы обязаны ему открыть глаза. Мы должны с ним поговорить. Ты поговоришь. Его надо предостеречь. Это наш долг.

Мсье Вердюрен. Я разве спорю. Но только после концерта.

Мадам Вердюрен. Всю жизнь свою я посвятила искусству, музыке. Мы должны спасти мальчика от этого гнусного чудовища.

Марсель (*стараясь овладеть вниманием мадам Вердюрен*). А Леа, актрису – ну, вдруг, – здесь сегодня не ожидают?

Она в него вглядывается.

Мадам Вердюрен. Нет, конечно!

314. Неаполитанская Королева и Шарлю.

Неаполитанская Королева. А можно мне познакомиться с нашей хозяйкой?

Шарлю. С нашей хозяйкой! О, разумеется, разумеется. Мадам Вердюрен! (*Направляется к ней.*) Ее Величество Неаполитанская Королева желает, чтобы я вас ей представил.

Мадам Вердюрен. О-о!

Шарлю подводит Вердюренов к Королеве.

Шарлю. Позвольте мне, Ваше Величество, представить вам мадам Вердюрен, нашу нынешнюю хозяйку. Мсье Вердюрен, супруг.

Вердюрены приседают и кланяются, причитая: "Ваше Величество!"

Неаполитанская Королева. Как мило с вашей стороны, что вы меня пригласили в свой прелестный дом, и по такому знаменательному случаю. Я от души рада с вами познакомиться.

Мадам Вердюрен. Ах, вы слишком великодушны, Ваше Величество. Надеюсь, вы приятно проведете вечер в моем храме музыки, как я дерзаю его называть.

Неаполитанская Королева. Очень, очень милый храм.

Музыканты поднялись на сцену и настраивают инструменты. Шарлю грозно покашливает, озирая рассаживающуюся публику. И ведет тем временем Королеву к ее креслу.

Мадам Вердюрен (*Вердюрену*). Ой, ну такая естественная, такая простая! Вот что значит истинно королевская кровь. Не то, что все эти выскочки. Небось, если копнуть как следует всех этих хваленых герцогинь, так окажется, что половина на заметке у полиции.

Музыканты притихли — они готовы.
И — начинается музыка.
Камера скользит вдоль рядов усевшейся публики.
Некоторые дамы пусто кивают, якобы в такт музыке.
Другие оборачиваются, взглядами отыскивают знакомых, приветствуют их улыбками, кивками и жестами.
Прочие неустанно шуршат веерами.
Один Господин шепчет Даме.

Господин. Все забываю — как его, этого композитора? И откуда он взялся?

Шарлю. Ш-ш-ш-ш!

315. Марсель слушает музыку.
Во всех тех кадрах, где мы видим Марселя, музыка — прозрачна, чиста, свободна от посторонних звуков.
Лицо у Марселя возрожденное, бестревожное, пристально сосредоточенное.

316. Публика.
Во всех тех кадрах, где показана публика, музыку глушит кашель, шарканье, шорох, шелест, зевки, веерный стрепет; те же звуки царят на переднем плане, где, свирепо озираясь на аудиторию, натянутый, как струна, мучительно стараясь сосредоточиться, сидит Шарлю; мадам Вердюрен как аршин проглотила; Неаполитанская Королева сосредоточенно слушает.

317. МОРЕЛЬ играет.
Непокорная прядь падает ему на лоб.

318. Марсель слушает музыку.
(Примечание. Септет продолжается в течение последующих кадров. Теперь все прочее — обеззвучено, и слышна только музыка — чистая, избавленная от посторонних примесей.
В продолжение этих кадров музыка близится к заключительной части, к кульминации и финалу септета.)

319. Марсель.

320. Музыканты.

321. Публика.

322. Марсель.

323. Желтый экран.

324. Музыканты.

325. Публика.

326. Марсель.

327. Желтый экран.
И на фоне желтого экрана звучит музыка, наконец-то достигшая кульминации.

328. Марсель.
Вокруг него шелестят аплодисменты.
Он сидит затихший, счастливый.

329. Промельк колоколен в Мартенвиле. Без звука.

330. Мсье Вентейль идет прямо на камеру. Без звука.
В глубине мадемуазель Вентейль и ее Подруга играют на пианино в четыре руки.

331. Концертный зал.
Гости выстроились в очередь, спеша поблагодарить Шарлю.
Вердюрены стоят в стороне, с Бришо.
Две дамы разглядывают картины импрессионистов.

Дама. Вот ведь мазня уродская.

Герцогиня Германтская разговаривает с Шарлю.

Герцогиня. Нет, ну, правда же, Меме, вы удивительный человек. Возьмись вы поставить даже оперу, хоть в конюшне, хоть в ванной комнате, у вас и то выйдет очаровательно.

Хохот.

А мсье Вердюрен, между прочим, — он вообще-то существует в природе?

332. Вердюрены и Бришо.

Мадам Вердюрен. Нет, это абсолютно неприличный субъект, абсолютно неприличный. (*Повернувшись к Бришо.*) Да уведите вы его отсюда, в конце-то концов, предложите хоть сигарету выкурить, ну я не знаю, чтобы мой муж имел возможность предупредить нашего юношу о пропасти, разверзающейся у его ног.

333. Шарлю в дверях зала.
Ушел последний гость.
Шарлю отворачивается от дверей и через весь зал направляется к мадам Вердюрен.

Шарлю. Ну и как? Довольны? Имеете все основания. Кого только у вас не было — и Неаполитанская Королева, и Принцесса Таормина, и брат Баварского короля, и три первейших пэра, и несчетные герцогини, включая мою собственную невестку Ориану, герцогиню Германтскую. Если Вентейль — Магомет, мы спокойно можем

сказать, что сумели к нему подвести кое-какие самые трудно сдвигаемые горы.

Мадам Вердюрен указывает на кресло, где сиротливо лежит чей-то веер.

Мадам Вердюрен. Видно, Неаполитанская Королева свой веер забыла.

Шарлю. Да, это ее веер. Я узнал бы его из тысячи. Несравненное уродство. А правда ведь, Шарли играл божественно? Да где же он? Я хотел его представить Королеве. Ну, а вы, милейшая, вы тоже сыграли свою роль. Ваше имя не останется неотмеченным. Герцогиня Дюра просто очарована. И даже поручила вашему покорному слуге довести это обстоятельство до вашего сведения. Но где же он, где же Шарли? Я его до сих пор не поздравил.

Бришо. С остальными музыкантами он, где же еще. Пойдемте-ка на минуточку, выкурим по сигарете, барон. Уж кто-кто, а вы-то, могу сказать, заслужили добрую затяжку.

Шарлю. Не смею спорить. (*Он идет к двери вместе с Бришо.*) Грандиозный успех! Он играл, как бог, вы согласны? А вы заметили, как милый локон выбился из шевелюры и упал ему на лоб? Думаю, даже сама Принцесса Таормина под чудотворным воздействием этого локона вдруг заметила, что игра, которую она наблюдает, — музыка, а не покер.

Шарлю и Бришо выходят в другую комнату.

334. Интерьер. Другая комната.
Мсье Вердюрен зажал Мореля в углу. Морель очень бледен.

Вердюрен. Ну, вот хотите, давайте пойдем, спросим у моей супружницы, что она думает по этому поводу. Даю вам честное-благородное слово, я ей об этом покамест даже не заикался, ни-ни. Интересно, как она посмотрит на эти дела. Вы же, наверно, в курсе — у моей супружницы на все такое подобное — исключительный нюх.

335. Интерьер. Концертный зал.
Вердюрен, крадучись, приоткрывает дверь, удостоверяется, что Шарлю здесь нет, и ведет Мореля к мадам Вердюрен.

Вердюрен (*жене*). Вот, он хочет кой о чем с тобой посоветоваться.

Мадам Вердюрен. Я с мужем совершенно согласна. Нельзя вам больше терпеть создавшееся положение, нельзя ни единой минуты...

Вердюрен (*запинаясь*). Да ты... что? О чем ты? Что... терпеть?

Мадам Вердюрен. Уж я, небось, поняла, что́ ты ему там втолковывал. (*Морелю.*) Об этом не может быть и речи, вы не можете дольше якшаться с этим запятнанным человеком — да его же никто на порог не желает пускать! Вы в консерватории уже — притча во языцех. Еще месяц такой жизни — и рухнет все ваше музыкальное будущее.

Морель. Но я... я поражен... я... никогда, ни от кого ничего подобного не слышал.

Мадам Вердюрен. Ну, так вы — единственный в своем роде. У него буквально черная репутация. Чернее черного. Он в тюрьме сидел, это я знаю доподлинно. За ним денно и нощно следит полиция. Даже и по части финансов вам на него абсолютно не стоит рассчитывать. Любой, самый грязный шантажист в Париже может выжать его, как лимон.

Морель. Но я... я никогда... я ничего подобного не подозревал.

Мадам Вердюрен. Да на вас уже пальцами стали указывать! А вам и невдомек? Нет, необходимо, необходимо срочно стереть с себя это позорное пятно, пока оно вас не замарало до такой степени, что уже никогда не отмыться, пока ваша жизнь и карьера не загублены окончательно!

Морель. Да, да.

Мадам Вердюрен. Вот ведь он из себя корчит вашего друга — да? — а слыхали бы вы, как по-хамски он о вас отзывается! На днях один человек ему говорит: "Мы до глубины души восхищаемся вашим другом Морелем". А он! Можете вы себе представить, что он на это ответил? "Как у вас только язык поворачивается, — говорит, — называть его моим другом? Мы принадлежим к совершенно разным слоям общества, уж называйте его лучше моим подопечным, ну, или домашним любимцем". Говорят, он вдобавок позволил себе даже слово "слуга", но тут я голову на отсечение не дам. Но что он уж точно позволил себе заявить, да и, безусловно, никогда не устанет талдычить, так это — что ваш дядя якобы был лакей, ливрейный лакей.

Морель. Как!

Возвращаются Шарлю и Бришо.

Шарлю. О! Шарли! Ну, как ты себя чувствуешь после своего триумфа, мой мальчик? Каково это — купаться в лучах славы?

Морель. Оставьте меня! Не подходите! Я все про вас знаю! Я не первый, кого вы пытаетесь развратить!

Шарлю останавливается, помертвев.
Молчание.

Морель. Извращенец!

Шарлю ощупывает лица вокруг себя оторопелым взглядом. И натыкается на каменную безучастность.

Шарлю (*почти беззвучно*). Что здесь произошло?

Вердюрены проходят под аркой на галерею.
Морель, весь трясясь, торопится к сцене, забрать свою скрипку.
Шарлю смотрит стоячим взглядом — в никуда.
Вдруг Морель замечает Неаполитанскую Королеву, та стоит у двери. Ясно, что она стала невольной свидетельницей предыдущей сцены и слышала все.

336. На галерее.
Вердюрены стоят и через окно заглядывают в зал.

Мадам Вердюрен (*хихикая*). Я на месте Шарлю уж присела бы, на всякий пожарный. Смотри, аж трясется весь, того гляди на полу растянется.

В арке появляется Морель.

Морель. А та дама — не Королева Неаполитанская?

Они оборачиваются оба, смотрят.

Мадам Вердюрен. Она.

Видно, как Королева тихо разговаривает с Шарлю.

Морель. А ведь барон собирался меня ей представить...
Мадам Вердюрен. Ничего-ничего, я и сама вас представлю. Она душка такая.

Они проходят в зал, останавливаются прямо перед Королевой. Мадам Вердюрен склоняется в реверансе.

Я мадам Вердюрен, Ваше Величество. Ваше Величество не изволят меня помнить?
Неаполитанская Королева (*свысока, отчужденно*). Помню прекрасно.

Королева подбирает с кресла свой веер, отворачивается от мадам Вердюрен, протягивает руку Шарлю.

У вас совсем больной вид, мой милый кузен. Обопритесь о мою руку. Некогда она сдержала сбесившийся

сброд в бухте Гаэта[1]. Пусть же теперь она послужит вам надежной опорой.

Шарлю опирается на ее руку.
Очень медленно, они выходят из зала.
Морель и Вердюрены молча буравят взглядами их удаляющиеся спины.
Марсель стоит и смотрит.

337. Экстерьер. Перед домом Марселя. Ночь.
Марсель, на мостовой, запрокинул голову.
У него в квартире горит свет.

338. Интерьер. Гостиная. Ночь.
Альбертина читает. Марсель вваливается в гостиную прямо в своем пальто на меху.

Марсель. А! Еще не легли.
Альбертина. Угу.
Марсель. Вот угадайте, где я сейчас был. У Вердюренов.

Она отшвыривает от себя книгу.

Альбертина. Так я и знала.

Пауза.

Марсель. Но почему это вызывает в вас такую досаду?
Альбертина. Досаду? Скажете тоже! Да какое мне вообще дело, где вы были? Еще чего. Очень надо. Мне-то что? А мадемуазель Вентейль — она была?

Марсель усаживается.
Пауза.

Ну, и как септет?
Марсель. Откуда вы знаете про септет?
Альбертина. Все знают. Это не тайна.
Марсель. Я не знал.

Пауза.

Альбертина. А Морель — он хорошо играл?
Марсель. Вы виделись с Морелем?
Альбертина. Виделась? Причем тут. Да у нас только шапочное знакомство.
Марсель. Но тогда — откуда вы знаете про септет?

1. Когда, в сентябре 1860 г., войска Гарибальди двинулись на Неаполь, король с королевой укрылись в укрепленной бухте Гаэта. Во время осады королева Мария София проявила редкую стойкость, пытаясь сплотить защитников крепости, и стала известна впоследствии, как "героиня Гаэта".

Альбертина. По-моему, это Андре мне сказала, что ли. Она-то как раз дружит с Морелем.

Пауза.

Марсель. Септет был чудесный. Он доставил мне радость, которая... какую мне редко доводилось испытывать. (*Пауза.*) Леа там тоже была. Эта актриса.

Альбертина. Как странно.

Марсель. Она подруга Мореля.

Альбертина. Да ну?

Марсель. Она просила вам передать самый нежный привет.

Альбертина. Да ну? Как странно. Я же с ней, можно сказать, незнакома. Просто в прошлом году мы как-то бегали смотреть на нее в одном спектакле, а после зашли в гримерную, поздороваться. И всё.

Пауза.

Марсель. Кто это — мы?

Альбертина. Так, кое-кто.

Пауза.

Марсель. Вам было известно, что мадемуазель Вентейль ждали сегодня у Вердюренов, не так ли?

Альбертина. Ох уж эти вопросы! (*Передернув плечом.*) Да, мне было известно.

Марсель. Можете вы мне поклясться, что не для того, чтобы возобновить отношения с ней, вы хотели туда пойти?

Альбертина. Никаких у меня и не было с ней отношений.

Марсель. И вы можете мне поклясться, что ваше желание туда пойти никак не было связано с надеждой на новую радостную встречу?

Альбертина. Нет, не могу поклясться. Я была бы очень рада с ней снова встретиться.

Марсель. Послушайте... сегодня я, наконец, убедился, что все, что вы говорили мне про мадемуазель Вентейль...

Альбертина. ...было вранье. Да. Да, я врала, когда говорила, что близко знаю мадемуазель Вентейль и эту ее Подругу, и, когда говорила, что якобы их называла своими старшими сестрами, это я все врала. Но поймите, я же думала, что вам со мной дико скучно. Думала, вот скажу, что знаю эту семью, знаю про музыку Вентейля, и вам покажусь интересней. Если я вам вру, так ведь всегда потому, что люблю! На самом деле, я и видела-то их всего раз, ну два от силы, не больше. Я все это вам наплела потому, что с вашими шикарными знакомыми чувствую себя не

в своей тарелке... как дура набитая... и я... у меня... у меня же ничего за душой... я бедна, как церковная мышь...

Он внимательно в нее вглядывается.

Марсель. Ну, уж это, положим, глупости. У меня-то есть деньги. Если хотите, вы можете, скажем, дать званый обед, пригласить, например, Вердюренов, когда вам только взбредет на ум.

Альбертина. Ох ты, Господи! Спасибо большое! Званый обед для этих зануд! (*Дальше она быстро-быстро бормочет.*) Уж лучше бы вы меня оставили, и все, и я бы тогда пошла и уж пусть бы кто-то меня...

Тут она осеклась.

Марсель. Что? Что вы сказали?

Альбертина. Ничего... эти Вердюрены... этот обед.

Марсель. Нет. Вы что-то еще хотели сказать. И не договорили. Почему вы не договорили?

Альбертина. Просто поняла, что нечего было замахиваться.

Марсель. На что — замахиваться?

Альбертина. На то, чтоб званые обеды закатывать.

Марсель. Но вы на это и не замахивались.

Альбертина. Нехорошо пользоваться тем, что у вас есть деньги. Непорядочно.

Пауза.

Марсель. Я так и не понял, что такое вы говорили. Слов не мог разобрать. Уж лучше вы бы пошли и вас?..

Альбертина. Ах, оставьте вы меня, ради Бога, в покое!

Марсель. Но почему? Почему вы не договариваете?

Альбертина. Да я сама не понимала, что несу. Просто я хотела сказать... так, слова... слыхала один раз... на улице. Не знаю даже, какой смысл. Ну, в голову стукнуло, и все. Сама не знаю, что хотела сказать.

Марсель смотрит на нее в замешательстве.

Просто, я так расстроилась из-за того, что вы пошли к Вердюренам, а мне не сказали. И все. Вы меня обманули, вы меня оскорбили. Ладно, лучше я спать пойду.

Она уходит.
Он сидит неподвижно.
Все тихо.
Некоторое время камера еще медлит на его лице.

339. Альбертина, какой он ее только что видел.
Она что-то говорит, вдруг резко смолкает на полслове.

340. Марсель сидит в кресле.
Он закрывает глаза, плотно сжимает веки, морщится, как от боли.

341. Интерьер. Комната Альбертины.
Она смотрится в зеркало.
Входит Марсель.

Марсель. Альбертина, по-моему, нам пора расстаться. Я хочу, чтобы вы уехали завтра утром, чем свет.

Альбертина. Завтра утром?

Марсель. Мы были счастливы. Теперь мы несчастны. Все проще простого.

Альбертина. Я разве несчастна. Нет.

Марсель. И мы уже никогда не увидимся. Так будет лучше.

Альбертина. Мне никто не нужен, кроме вас.

Марсель. Я всегда хотел в Венецию. Вот и поеду. Один.

Молчание.

Сколько раз вы мне лгали?

Пауза.

Альбертина. Ах, ну да, да, мне, конечно, следовало вам сказать, когда речь зашла про Леа, вот сейчас только, что мы с ней когда-то ездили отдыхать, на три недели, давно, я даже еще вас не знала, но все было совсем невинно, совсем, комар носу не подточит, она ко мне просто привязалась, привязалась, как к дочке. Я вам не сказала, да, но я просто расстраивать вас не хотела, а у нас с ней, ну, честное слово, ничего не было, совсем ничего, клянусь.

Она обводит взглядом комнату.

Неужели я этого всего больше не увижу, никогда, никогда? Прямо невозможно поверить.

Марсель. Вы здесь были несчастны.

Альбертина. Да ничего подобного. Это теперь я буду несчастна.

Марсель. И куда ж вы теперь?

Альбертина. Не знаю. Надо будет подумать. К тете, наверно, вернусь.

Пауза.

Марсель. Но может быть... вы бы хотели... снова попробовать... еще недельку-другую?

Альбертина. Да, наверно.

Марсель. Еще недельку-другую.

Альбертина. Да. Наверно, надо бы.

342. Интерьер. Спальня Марселя.
Марсель сидит один, не шевелясь.
Все тихо, но вдруг слышно, как в комнате Альбертины бешено, с грохотом распахивают окно.
Он вздрагивает, озирается.

343. Интерьер. Коридор. Ночь. (Все как в кадре 301.)
В коридоре темно.
Открывается дверь спальни Марселя. Он в темноте пробирается по коридору, подле комнаты Альбертины останавливается, прислушивается.
Все тихо.

344. Интерьер. Спальня Марселя. Утро.
Марсель лежит в постели. Входит Франсуаза.

Франсуаза. Я уж не знала, как мне и быть. Мадемуазель Альбертина-то свои чемоданы с меня стребовала — и, главное, в семь утра. Вы спали. Я вас не стала будить. Сами велели, чтоб вас не будить никогда. Она, значит, вещи свои все уложила. И ушла. Уехала она.

Он смотрит на нее оторопело.

Марсель. И очень правильно сделали, что не стали меня будить.

345. Глаза Марселя.

346. Глаза Жильберты — тогда, в Тансонвиле.

347. Глаза герцогини Германтской — тогда, на улице.

348. Глаза Одетты — тогда, в Аллее Акаций.

349. Глаза матери — тогда, в спальне Марселя в Комбре.

350. Глаза Марселя — тогда, в ватерклозете в Комбре.

351. Глаза Марселя.

352. Интерьер. Спальня Марселя. Париж. 1902.
Франсуаза подает ему телеграмму.
Он ее распечатывает, читает.
Роняет.
Франсуаза подбирает ее, читает.
Заглатывает вскрик, зажимает рот рукой.
Смотрит на Марселя.
Кладет телеграмму на столик и на цыпочках выходит из комнаты.
Камера задерживается на Марселе — он сидит, застыв, у него совершенно пустое лицо.

353. Экстерьер. Поле. День.
Лошадь без всадника галопом скачет по полю — от камеры прочь.
Камера слегка отъезжает, и перед глазами у нас туманится, расплывается очерк искалеченного женского тела.

354. Интерьер. Квартира Марселя. Прихожая. День.
Пустая прихожая.

355. Интерьер. Столовая. Вечер.
Пустая столовая.

356. Интерьер. Спальня Марселя. Ночь.
Марсель сидит неподвижно, у него совершенно пустое лицо.

357. Интерьер. Прихожая. Ночь.
Дверь в комнату Альбертины приотворена.
В прихожей никого.
Все тихо.

358. Интерьер. Спальня Марселя. День.
Марсель сидит, неподвижно, у него совершенно пустое лицо.

359. Крупный план. Андре.
Слышен голос Марселя за кадром.

Марсель (*голос за кадром*). Теперь... когда ее уже нет... я могу откровенно у вас спросить... Вы любите женщин, правда?

Андре улыбается.

Андре. Да. Люблю.

360. Интерьер. Комната Марселя. Два кадра. День. 1902.

Марсель. Вы знали мадемуазель Вентейль... близко... правда?

Андре. Нет, в общем-то, не мадемуазель Вентейль. Скорей ее Подругу.

Пауза.

Марсель. Я, конечно, давным-давно догадывался о том, что вы делали с Альбертиной.

Андре. Я никогда ничего не делала с Альбертиной.

361. Интерьер. Комната Марселя. Ночь.
Марсель и Андре теперь сидят иначе, Андре иначе одета.

Марсель. Вы в моих глазах очень привлекательны. Может быть, из-за того, что вы делали с Альбертиной. Мне хочется испытать то же, что и она.

Андре. Но это невозможно. Вы мужчина. (*Пауза.*) Ах, до чего же она была страстная. Помните, вы ключ потеряли,

вы тогда еще этот жасмин принесли? Вы ведь нас чуть не застукали. Опасность была жуткая, мы знали, что вот-вот вы вернетесь, но ей загорелось, вынь да положь. Я еще вам тогда сочинила с ходу, что она якобы не выносит запах жасмина, помните? А она за дверью стояла. И слово в слово все потом за мной повторила, чтоб вы к ней не подходили, чтоб вдруг меня не учуяли.

362. Интерьер. Комната Марселя. День.
Марсель и Андре сидят вдвоем.

Андре. Вот вам непременно нужно, чтобы я так сказала, да? А я не скажу, нет, я не стану врать. Альбертина это все ненавидела. Могу поклясться. И могу поклясться, что ничего я такого никогда не делала с Альбертиной.

363. Интерьер. Комната Марселя. Ночь.
Марсель и Андре сидят вдвоем.

Андре. Они с Морелем вмиг раскусили друг друга. Он поставлял ей девочек. Сперва соблазнит девочку, а потом, когда уж та в полной его власти, передает ее Альбертине, и они вместе этой девочкой пользуются. (*Пауза.*) Леа сколько раз ее имела в купальнях, в Бальбеке, прошлым летом в Бальбеке. Раз, помню, были мы с ней и с прачками — о, совсем-совсем еще молоденькими, — на какой-то реке, под Бальбеком. Помню, одна девочка — совершенная прелесть! — что-то делала с Альбертиной, — даже не могу вам сказать, что она такое с ней делала, — и та кричала: "Это рай! Это рай!" — и вся дрожала, голая, на траве.

364. Интерьер. Комната Марселя. День.
Марсель и Андре сидят вдвоем.

Андре. А кто плел вам все эти россказни про Альбертину... те просто-напросто врали... неужели непонятно?

Марсель. Никто мне не плел никаких россказней.

365. Интерьер. Комната Марселя. Ночь.

Андре. Она ведь надеялась, что вы ее спасете, что вы на ней женитесь. Она вас любила. В глубине души она чувствовала, что эта ее одержимость — сплошное безумие, преступление. Она, может быть, даже с собой покончила — от безвыходности.

366. Крупный профиль. Сван.
Голос Свана за кадром.

Сван (*голос за кадром*). Подумать только — я убил не один год, я хотел умереть — и все из-за того, что любил больше жизни женщину, которая мне даже не нравилась, которая была вообще не в моем вкусе.

367. Экстерьер. Венеция. Канале Гранде. День. 1903.
Стыло, сиро.
Гондола с Марселем плывет к палаццо.

368. Мать в раме окна.
Она сидит и читает на балконе палаццо.
Поднимает глаза от книги и видит, как в гондоле подплывает по каналу Марсель.

369. Гондола подплывает к ступеням.
Марсель вышагивает из гондолы, поднимает на Мать взгляд.
Стоячий, пустой взгляд.

370. Крупный план. Мать.
Она смотрит вниз, на Марселя, — с беспомощной нежностью.

371. Экстерьер. Площадь Сан-Марко. День.
Площадь безлюдна.
Пустуют столики перед кафе, там одиноко сидят Марсель с Матерью.
Мать читает. Из-за края страницы она поглядывает на Марселя.

372. Экстерьер. Венеция. Вечер.
Подле собора Сан-Марко колышется на волнах гондола.

373. Интерьер. В Соборе Сан-Марко.
Слышно, как две пары ног цокают по брусчатке. Вот — остановились. И камера всползает вверх, к райской сини фресок.

374. Экстерьер. Парижская улица. 1915.

Прожекторы щупают небо, воют сирены — воздушная тревога.
Камера ползет по неказистой, пустой улице.
Полное затемнение, слепые дома.
Марсель (35) один, сворачивает в эту улицу.
Между ставен невзрачного дома, по всем признакам — жалкого пошиба гостинички, пробивается желтая полоса.
Марсель идет на эту полосу, останавливается у подъезда.
Вдруг дверь распахивают, рывком. Выходит офицер.
В конусе выпавшего на тротуар света Марсель узнает Сен-Лу (37). Секунду Сен-Лу стоит в нерешительности, потом крупно шагает с крыльца — миг, и канул во тьму.

375. Интерьер. Вестибюль гостиницы.
Входит Марсель.
Господин в вечернем костюме, стоя перед конторкой, что-то нашептывает портье.

Портье. Невозможно, мсье. Разве что на той неделе. Не обещаю, но постараюсь.

Марсель замечает группу юных солдат, кто толчется без дела, кто играет в кости, тут же и несколько молоденьких штатских. Господин в вечернем костюме отворачивается от конторки и, скользнув по Марселю взглядом, выходит на улицу.
Марсель медленно подходит к конторке.
Снаружи слышен дальний грохот орудий.

Марсель. Если можно, комнату, до конца налета.

Портье. Да-да. Это пожалуйста. А... чем еще могу вам служить, мсье?

Марсель. И бутылку шампанского.

Портье. А-а.

376. Интерьер. Гостиница. Лестничная площадка.
Портье, неся на подносе бутылку шампанского, ведет Марселя к номеру.
Оба входят в номер.

377. Интерьер. Номер.
Голая комната.
Портье откупоривает бутылку, наливает в бокал шампанского.
Марсель садится.

Марсель. Благодарю вас.

Портье. Когда вам потребуется... еще кое-что, мсье, вы только извольте позвонить, и я мигом буду к вашим услугам, мсье. (*Выходит.*)

Марсель сидит, потягивая шампанское.
Слышна дальняя пальба.
Вдруг он замечает какой-то предмет на полу, возле ножки кровати. Встает, подходит к предмету, его подбирает.
Это – Croix de Guerre[1].
Орудийная пальба смолкла. И в наступившей тишине Марсель слышит невнятные крики откуда-то из гостиничных недр.
Он сует Воинский Крест в карман и выходит из номера.

378. Интерьер. Лестница.
Марсель идет на крики.

379. Лестничный марш, ведущий на следующий этаж.
Марсель ступает на верхнюю ступеньку.
Крики стали слышней.
Марсель направляется к номеру в самом конце коридора.

1. Croix de Guerre, Воинский Крест, боевой орден, которым во время Первой мировой войны награждали отдельных воинов (французов и их союзников), а также целые подразделения, проявившие героизм в боях.

Голос. Сжальтесь, сжальтесь, вы же убьете меня!
Другой голос. Сжалиться? Над такой грязной, старой сволочью?

Свист хлыста. Стоны, вопли.
Марсель замечает овальное оконце, глядящее в комнату. На сторону сдвинута шторка.
И в это оконце заглядывает.

380. Комната глазами Марселя.
Шарлю (67), голого, прикованного к постели, полосует хлыстом какой-то молодой человек.
Дверь отворяется. Входит Жюпьен (66).

Жюпьен. Ну как, все в порядке, барон?
Шарлю. Можно вас на два слова?
Жюпьен. Ступай вниз, Морис.
Морис. Слушаюсь, мсье Жюпьен.

Морис почтительно кланяется Шарлю и выходит.

Шарлю. Как-то вяло у него получается, у малого этого. Я вижу, он лезет из кожи вон, но зверства ему не хватает, нет, разве это зверство! Он же ничего не чувствует! Он притворяется.
Жюпьен. Ох, вы уж меня извините, барон. Но у меня там внизу есть парень, подручный мясника. Вот это — настоящий убийца. На днях одного попа-расстригу чуть до смерти не запорол. Хотите?
Шарлю. Звучит заманчиво.
Жюпьен. Может, освободить вас, пока я за ним схожу?

381. Крупный план. Шарлю.

Шарлю (*с трудом переводя дух*). Нет. Не надо. Зачем.

382. Интерьер. Коридор.
Жюпьен выходит из номера.
Марсель вышагивает в полосу света. Жюпьен на него вытаращивает глаза.
Марсель бросает последний взгляд в оконце, на Шарлю, потом, не сказав Жюпьену ни слова, направляется к лестнице и начинает спускаться.

Жюпьен спешит за ним следом.

Жюпьен. Я, признаться... я никак не ожидал вас здесь встретить, мсье.
Марсель. Я зашел переждать налет.

383. Интерьер. Гостиничный номер Марселя.
Входит Марсель, следом за ним Жюпьен.

Марсель наливает себе еще бокал шампанского. Жюпьен стоит и смотрит на него.

Марсель. Вы, как я понимаю, хозяин этой... м-м-м... гостиницы?

Жюпьен. Да, но только вы, пожалуйста, поймите меня правильно. Барышей, грубо говоря, никаких. Приходится ведь и порядочным людям номера когда-никогда сдавать. А издержки громадные. Накладные расходы, знаете, инвентарь, персонал, услуги, то, сё. Нет, я же, понимаете, завел этот дом для барона, чтоб потешить его на старости лет. Я барона люблю. Ну, а парни — так барон ведь просто их общество ценит, помимо всего прочего. Часто в карты с ними дуется. Вот я убийцу ему пообещал... А на самом-то деле — какой он убийца. Милый мальчик, чуть не все свои заработки домой посылает, матери.

Марсель. Значит, вам я и должен это отдать... Вот, на полу подобрал, здесь, в номере.

Он отдает Жюпьену Воинский Крест.

Жюпьен. Господи Боже ты мой! Воинский Крест!

Марсель. Следует, видимо, его возвратить владельцу.

Жюпьен. Да-да. Как же. Само собой.

384. Экстерьер. Парк в Тансонвиле. День. 1915.
Сквозь проход в изгороди из розового боярышника виден пруд. Удочка забыта на краю пруда, на зыби подпрыгивает поплавок. На тропке появляются Марсель и Жильберта, бредут по-над прудом. Обоим по тридцать пять лет, оба в трауре.

Жильберта. Когда Робера убили, сразу же, через два дня, вдруг я получаю пакет. Анонимной посылкой. А там — его Воинский Крест. И ни записки, ни единого слова, просто — Воинский Крест, и больше ничего. Пакет, причем отправлен из Парижа.

Пауза.

Странно, правда?

Марсель. Да.

Жильберта. И он же, главное, ни в одном письме даже не заикнулся о том, что потерял его, что его, например, украли.

385. Интерьер. Гостиная. Дом Свана в Тансонвиле. Вечер.
Марсель и Жильберта стоят у окна.

Жильберта. Я любила его. Но пришел конец нашему счастью. У него была другая женщина, или другие женщины, не знаю.

Марсель. Другие женщины?

Жильберта. Да. Какая-то у него была своя, тайная жизнь, он со мной не делился, но я знаю — это было неодолимо, это было выше его.

386. Экстерьер. Парк. Тансонвиль. Утро.
Бредут Марсель и Жильберта.

Жильберта. А вы помните свое детство в Комбре?

Марсель. Нет, в общем.

Жильберта. Давно там не были?

Марсель. О, страшно давно. Теперь Комбре уж не тот.

Жильберта. Да, война все изменила.

Марсель. Нет, война тут ни при чем.

Жильберта. Но неужели вы хотите сказать, что те тропки, тот лес, деревня ничего не говорят вашему сердцу?

Марсель. Ровно ничего. Они ничего для меня не значат. Все это умерло. Я почти ничего не помню. (*Пауза.*) Вот, помню, как вас увидел однажды, сквозь этот боярышник. Вы меня очаровали тогда.

Жильберта. Правда? Как жалко, что вы мне тогда не сказали. Ведь вы мне очень, очень понравились.

Марсель на нее смотрит во все глаза.

Марсель. Да ну?

Жильберта. Я даже о вас мечтала. Конечно, я была зрелая не по годам. Я имею в виду — тогда. Мы с деревенскими мальчишками и девчонками всякие руины бегали осматривать на ночь глядя — развалины Руссенвильского[1] замка. Ужасные озорники. И как я мечтала, чтобы вы тоже вдруг туда заявились. Помню, в тот миг, сквозь боярышник, я взглядом пыталась вам передать, как я вас обожаю, но, по-моему, едва ли вы поняли.

Он смеется.

Что смешного?

Марсель. Да то, что я ничего не понял. Я так мало понимал. Я был... чересчур озабочен... другими материями... Честно говоря, я зря загубил свою жизнь.

387. Интерьер. Санаторий. Палата Марселя. День. 1917.
Санаторий на берегу озера, в большом шато.
Марсель сидит неподвижно, один, в просторной палате. Ему тридцать семь лет.

1. Прообразом вымышленного Руссенвиля, скорей всего, стал старинный, в те времена полуразваленный городок к северу от Парижа — Гуссенвиль.

Он в белом халате.
И недвижим, как сова.

388. Интерьер. Санаторий. Коридор.
На переднем плане мимо палаты проходит доктор в белом халате.
В самом конце длинного-длинного коридора стоит Марсель.

389. Интерьер. Санаторий. Палата Марселя.
Марсель сидит неподвижно.
У самого окна кружат птицы.
Он их не слышит.

390. Экстерьер. Санаторий. Озеро.
Марсель сидит на скамейке, спиною к озеру. В отдалении — люди в белых халатах.

391. Экстерьер. Поле. День. 1921.
Поезд стоит.
Обходчик неспешно бредет вдоль состава, обстукивая колеса легкой кувалдой. Эхо множит удары.

392. Интерьер. Вагон поезда.
Марсель сидит, в одиночестве. Ему сорок один год.
Просадь вязов темнеет поодаль.
Окно открыто, но не слышен стук молотка.

393. Интерьер. Квартира Марселя. 1921.
Руки Марселя вскрывают конверт.
Вынимают визитную карточку.
Это приглашение к принцу и принцессе Германтским, на дневной прием.
Он кладет карточку на бюро.

394. Промельк принцессы Германтской, тогда, в опере, в ложе.

395. Экстерьер. Дом принца Германтского на авеню дю Буа.
К дому идет Марсель.
Кареты, автомобили, толпы шоферов.
Подкатывает автомобиль, Марсель делает неверный шаг: еще секунда, и он бы угодил под колеса. Шофер на него орет. Марсель, резко отпрянув, оступается на неровных плитах.
Покачивается, восстанавливает равновесие, отводит ногу назад, нашаривает плиту поровней.

396. Очень быстрый, очень смутный промельк Венеции.

397. Лицо Марселя.

398. Экстерьер. Перед домом принца Германтского.
Марсель стоит не шевелясь.
Вот откачнулся с каблуков на носки.
И снова застыл.

Опять откачнулся — с носков на пятки.
Шоферня на заднем фоне глядит на него весело, с любопытством.
Марсель покачивается — взад-вперед, взад-вперед.

399. Вспышка сини.

400. Шоферня.

401. Синие фрески в соборе Сан-Марко.

402. Лицо Марселя.

403. Интерьер. Дом принца Германтского.
Двери дома Германтов распахнуты.
Камера сопровождает Марселя в дом, всплывает по парадным ступеням.
Под звуки музыки из закрытой двери.
От двери отделяется дежурящий на площадке Дворецкий.

Дворецкий. Приказ Принцессы, мсье, пока музыка не кончится, дверь чтоб не открывать. Не угодно ли вам будет обождать в библиотеке, мсье?

404. Библиотека.
Марсель входит в библиотеку, садится.
Он здесь один, если не считать Официанта, колдующего над питьем и закусками.
Официант нечаянно стучит ложкой по тарелке.

405. Чистое поле и просадь вязов в вагонном окне.
Стук молотка о колеса.

406. Официант с ложкой.
За кадром — стук молотка.

407. Поезд стоит среди поля.
Обходчик стучит по колесам легкой кувалдой

408. Марсель сидит в вагоне. Ни звука.

409. Марсель сидит в библиотеке. Слышен стук молотка.
Марсель опускает глаза на стол. Видит вазочку с птифурами, стакан апельсинового сока.
Он пьет сок, утирает рот крахмальной салфеткой.

410. Салфетка похрустывает.
Вспышка синего неба в квадрате окна.

411. Марсель с салфеткой у рта.

412. Видные из окна, с высоты, — густая синь, световая рябь — небо, море; на переднем плане вешают на крюк накрахмаленное полотенце.

413. Марсель и Официант — неподвижны оба.

414. Трубы отопления в библиотеке.
В трубах надсадно урчит вода.

415. Вспыхивает на солнце столовое серебро.

416. Лицо Марселя.

417. Ресторан в Бальбеке. Пусто. Закат.
Столы накрыты.
С моря доносится дальний гудок парохода.

418. Марсель — в библиотеке, один.
За кадром — дальний гудок парохода.

419. Интерьер. Гостиная в доме принца Германтского. 1921.
Открываются двери гостиной.
Камера туда входит вместе с Марселем. Марсель мешкает на пороге.
Сотни лиц, иные к нему оборачиваются, уродски размалеванные, уродски старые лица.
Он входит в комнату. Голоса. Лица. Парики, размалеванность при дряблой дряхлости тех, кто с трудом сидит и еле стоит на ногах, их натужный хохот и жесты — все создает впечатление нелепого, зловещего маскарада.

420. На экране проступает образ Венеции — и гаснет в миг.

421. Герцогиня Германтская (63) и Марсель.

Герцогиня. О, сколько лет, сколько зим! Да, сколько же лет? Когда это все было, в точности? И где это вы пропадали? Ничуточки не изменились! Ну, разве что самую малость. А из меня уже вовсю песок сыпется, нет, правда. Давно уж не девочка, как ни крути.

422. Небо и море в том, бальбекском, окне вспыхивают вдруг на экране и гаснут в миг.

423. Герцогиня с Марселем.
Мимо проходит дряхлый, согбенный старик.

Марсель. Кто это?

Герцогиня. Граф д'Аржанкур. Помните? Жуткую имел репутацию. И все больше по части лакеев.

Марсель (*глядя вслед д'Аржанкуру*). Просто не верится.

Герцогиня. Да уж, он изменился, кто спорит. А знаете — ведь вы, наверно, здесь мой единственный друг, мой самый верный друг? И вы со всеми перезнакомились у меня в доме, правда? Вы и со Сваном у меня познакомились.

Марсель. В общем-то, я немного знал его, когда был еще маленький.

Герцогиня. Здесь где-то его дочь, Жильберта. Знакомы с ней?

Марсель. Слегка.

Герцогиня. Она никогда не любила Робера, знаете, никогда. Стерва.

424. Поле и просадь вязов в вагонном окне проступают вдруг на экране и гаснут в миг.

425. Герцогиня и Марсель.

Марсель. А где же Принцесса?

Герцогиня (*указывая*). Да вон же она, там стоит.

Марсель смотрит туда, куда указывает герцогиня, и видит мадам Вердюрен, старуху восьмидесяти одного года.
Мадам Вердюрен на миг попадает в фокус.

Марсель. Какая же это принцесса.

Герцогиня. А вот представьте. Это раньше она звалась Вердюрен. Но моя милая кузина умерла. И Вердюренша стала вместо нее принцессой, моей новой кузиной. Принц совершенно искренне пленился ее деньгами.

426. Бальбекский ресторан в лучах заката проступает вдруг на экране и гаснет в миг

427. Маркиз де Камбремер и Марсель.
Маркизу де Камбремеру семьдесят пять лет, лицо у него мятое, отечное, одутловатое, в мешках и морщинах.

Маркиз де Камбремер. Кто-то мне говорил, дражайший, что вы лечились в санатории несколько лет. Ну и как? Приступы удушья? Все еще мучат? А? Есть улучшения?

Марсель. Незначительные.

Маркиз де Камбремер. Но с возрастом они ведь становятся заметно реже, эти приступы, да? А вы, в конце концов, мой милый, тоже не молодеете. (*Рассеянно.*) Сестра теперь заметно меньше страдает от этих приступов.

428. Марсель стоит один.
Он внимательно вглядывается в гостей, и камера медлит на колченогих, скрюченных мужчинах, неловко, еле-еле ковыляющих женщинах, на тряских телах, на лицах под густым макияжем.

429. Вдруг — крупный план виконтессы де Сен-Фиакр.
Виконтесса — приверженица кокаина. У нее изнуреное, страшное лицо. Она улыбается — непрестанно и жутко.

Виконтесса (*в камеру*). Здрасьте-здрасьте!

430. Марсель.
Он разглядывает группку гостей, которые издали ему кажутся молодыми.
Но, по мере приближения, они все явственнее стареют, и, наконец, он видит, как морщинисты лица, какими крошечными из-за отечных век и мешков стали глаза.
Проходит Бришо, совершенно слепой. Ему восемьдесят четыре года.

431. Одетта сидит на диване в окружении молодых людей.
Ей шестьдесят четыре года, но она все еще хороша собой.

432. В зал входит Морель.
Ему сорок один год.
Со всех сторон его радостно приветствуют.
Принцесса Германтская (Она же мадам Вердюрен) кричит через весь зал.

Принцесса Германтская. Ой! Кого я вижу! Великий музыкант, великий человек!

Морель направляется к ней и к принцу Германтскому, которому семьдесят пять лет.

433. Мадам де Камбремер (70) и герцогиня Германтская.
Чуть поодаль, на заднем плане, стоит Марсель.

Мадам де Камбремер. А куда это, интересно, маркиза д'Арпажон подевалась?

Герцогиня Германтская. Она умерла.

Мадам де Камбремер. Ах, ну нет же, вы явно ее с графиней д'Арпажон путаете.

Герцогиня Германтская. Ничего я не путаю. Маркиза тоже умерла. С год назад примерно.

Мадам де Камбремер. Но я же была у нее в доме, на музыкальном вечере, с год назад примерно!

Герцогиня Германтская. И, тем не менее, она умерла, окончательно и бесповоротно, смею вас уверить. И неудивительно, что вы ничего не слышали. Она умерла самым невыдающимся образом.

434. Жильберта (41) и Марсель.

Жильберта. Не понимаю, вы-то здесь что делаете, на этом сборище. И почему бы нам с вами, например, сегодня не поужинать в ресторане вдвоем?

Марсель. Да, в самом деле... если вы только не сочтете, что вас может скомпрометировать ужин в ресторане вдвоем с молодым человеком.

Жильберта смеется.
Кое-кто оборачивается на них и улыбается, слыша ответ Марселя.

С пожилым человеком.

435. Крупный план. Принцесса Германтская.
Она дико хохочет, и роняет, и снова вдавливает в глаз монокль.

Жильберта (*голос за кадром*). Она теперь моя тетушка, знаете ли.

436. Марсель и Жильберта.

Жильберта. Надо вам сказать, одна моя близкая подруга, по-моему, вас когда-то знала. Андре.
Марсель. Да-да, мы когда-то были знакомы.
Жильберта. Ну, а сейчас она здесь где-то, с мужем. Ах нет, вон же она, с Морелем разговаривает.

Морель и Андре (43) разговаривают в противоположном конце гостиной.

437. Марсель и Рашель.
Рашель (44) выглядит куда старше своих лет.

Рашель. Э нет, я же вижу, вы не узнаете меня.
Марсель. Нет, почему, узнаю...
Рашель. А тогда — кто я? Ну кто я?
Марсель. Ну...
Рашель. То-то и оно! Ладно уж, я вам подскажу. Мы познакомились в театре, за сценой, с вами еще был один ваш приятель. Ой, он был от меня без ума. Теперь вспомнили?
Марсель. О да. Я вспомнил, да.
Рашель. Ах, как он меня обожал!

438. Герцог Германтский сидит на диване с Одеттой.
Герцог все так же хорош собой, все так же осанист, торжественно величав. Только волосы побелели. Герцогу семьдесят пять лет.
Молодые люди забавляют Одетту беседой.
Вдруг и герцог вставляет словцо. Одетта быстро к нему оборачивается, но тотчас спешит вновь озарить молодежь своей неотразимой улыбкой.

439. Герцогиня и Марсель.

Герцогиня. Вот вы с Рашель говорили. А вы знаете, что она теперь величайшая актриса в Париже? Да, кстати, мой-то муж завел новые шашни, в свои семьдесят пять! Поразительно, правда? Но мы с ним по-прежнему нежно любим друг друга.

440. Жильберта и Марсель.

Жильберта. Герцог Германтский большой поклонник моей матушки. Просто не вылезает из ее дома. А она совсем не стареет, правда?

Марсель. Да, она не стареет, совсем.

Жильберта. В нее всегда все влюблялись.

441. Герцог Германтский направляется к двери.
Теперь, когда герцог поднялся с дивана, мы вдруг видим, как он постарел.
Передвигается он с трудом, бдительно нашаривая путь перед каждым шагом, то и дело утирает лоб платком.

442. Одетта и Марсель.

Одетта. Пристраивайтесь-ка рядышком. Ах, как я рада вас видеть. Вы ведь хорошо знали моего первого мужа, правда?

Марсель. Вашего первого мужа?

Одетта. Ну да, Шарля Свана. Я теперь мадам де Форшевиль. Но мсье де Форшевиль тоже умер. Вы ведь знали Шарля?

Марсель. Да, в детстве, немного.

Одетта. Вы писатель, я знаю. Ох, я бы вам столько могла порассказать, такого подкинуть материальчика! Вы любовью ведь интересуетесь, ну, то есть вы пишете про любовь? Хотя — о чем же еще и писать? Все мои любовники с ума сходили от ревности. Шарль был ревнивый — до жути. Но он был такой умный и тонкий. Да я ни за что и не влюблюсь в мужчину, если он не умный и тонкий. Мсье де Форшевиля я никогда не любила. Он такой был неинтересный, нет, правда, серость, типичное не то. А Шарля я обожала, и мы были так счастливы — почти всегда. Шарль все собирался сам книги писать, знаете, но (*хихикает*) он, по-моему, слишком сильно меня любил, и больше у него ни на что не хватало времени.

443. Марсель стоит один.
К нему подходит Жильберта и подводит девушку семнадцати лет. Эта девушка прелестна.

Жильберта. Вот, прошу любить и жаловать, моя дочь.

Мадемуазель де Сен-Лу улыбается и склоняет головку.
Марсель долго, пристально на нее смотрит.
И вдруг все звуки в гостиной смолкают.
Мадемуазель де Сен-Лу улыбается, говорит — но без звука.

А за кадром мы слышим звон колокольчика садовой калитки в Комбре, "упругий, железистый, неотвратимый, свежий и резкий"[1].
Колокольчик продолжает звенеть в продолжение следующих кадров.

444. Просторная гостиная, множество народа, все говорят, говорят.
Без звука.

445. Улыбается мадемуазель де Сен-Лу.

446. Вязы Худимесниля.

447. Колокольни Мартенвиля.

448. На миг мелькает желтый экран.

449. Река Вивона в Комбре.

450. Кровли Комбре.

451. Сад в Комбре на закате.

452. Колокольчик садовой калитки.

453. Сван открывает калитку, уходит.

454. Марсель, ребенок, смотрит из окна своей спальни.
И — смолк колокольчик.

455. Вермеер "Вид Дельфта".
Камера быстро наезжает на картину Вермеера, на отрезок желтой стены.
И мы видим желтый экран.

Голос Марселя (*за кадром*). Настало время начинать.

1. Кавычками Пинтер здесь обозначает единственную во всем сценарии прямую цитату из Пруста.